

16

ВВЕДЕНИЕ
ГЛАВА 1. ОБРАЗ УРАЛА В ЛИРИКЕ К. В. СКВОРЦОВА И Л. К. ТАТЬЯНИЧЕВОЙ 11
ГЛАВА 2. УРАЛ В ЛИРИКЕ К. В. СКВОРЦОВА И Л. К. ТАТЬЯНИЧЕВОЙ 28

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЕ

Образ Урала в лирике К. В. Скворцова и Л. К. Татьяничей
(материалы к элективному курсу)

Выпускная квалификационная работа по направлению
44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)
код, направление

Направленность программы бакалавриата

«Русский язык. Литература»

Форма обучения очная

Проверка на объем заимствований:
90 % авторского текста
Работа рекомендована к защите
рекомендована/не рекомендована
« 4 » июня 2020 г.
зав. кафедрой литературы и МОЛ
Маркова Т. Н. Маркова Т. Н.

Выполнила:
студентка группы ОФ-515-075-5-2
Морозова Юлия Андреевна
Научный руководитель:
д-р филол. наук, профессор
Маркова Татьяна Николаевна

Челябинск
2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ОБРАЗ УРАЛА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	11
ГЛАВА 2. УРАЛ В ЛИРИКЕ Л. К. ТАТЬЯНИЧЕВОЙ	28
2.1 Творческая биография Л. К. Татьяничевой.....	28
2.2 Черты образа Урала в произведениях Л. К. Татьяничевой	30
ГЛАВА 3. ОБРАЗ УРАЛА В ТВОРЧЕСТВЕ К. В. СКВОРЦОВА	47
3.1 Урал в судьбе К. В. Скворцова	47
3.2 «Уралоцентричная» модель мира в поэзии К. В. Скворцова	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	68
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	73
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 Методическая разработка занятия по творчеству Л. К. Татьяничевой.....	78
ПРИЛОЖЕНИЕ 2 Методическая разработка занятия по творчеству К. В. Скворцова	91

ВВЕДЕНИЕ

Мировоззрение каждого человека формируется и определяется большим количеством факторов, как индивидуальных, так и тех, которые связывают его с окружающими. Важную роль в становлении представления о мире, жизни, природе, человеческих взаимоотношениях, культуре и искусстве для каждого из нас играет Родина. Для художника слова образ Родины предопределяет индивидуально-авторскую аксиологическую и эстетическую модель мира.

На стыке таких научных дисциплин, как география, культурология, философия и литературоведение, в конце XX века возникла область знания, получившая название «*геопоэтика*». Этот термин новый и еще до конца не признанный научным сообществом, однако предмет рассмотрения геопоэтики представляет большой интерес для исследователей разных научных областей и имеет самое прямое отношение к теме данного исследования.

Понятие «геопоэтика» в научное поле в 80-е годы XX века ввел поэт и эссеист Кеннет Уайт, создавший в Париже Институт геопоэтики. В середине 1990-х гг. у геопоэтического движения появились российские последователи из круга авторов литературно-исследовательской группы «Путевой журнал». Современные исследовательские работы обобщают накопленный уже за несколько десятилетий научный опыт в междисциплинарной области знаний, в частности статья 2015 г. «История понятия “геопоэтика”» И. Сид, содержащая историю становления геопоэтического направления и понятие о его связях с литературой, искусством и научным дискурсом [16].

Геопоэтика рассматривает взаимодействие различных территорий с организующими их культурными формами, феномен «*геопоэтического образа*» той или иной местности, который формируется, когда географическое пространство, ландшафт приобретает определенные

устойчивые черты в эстетической, философской и интеллектуальной рефлексии, образном осмыслении.

Возникновение геопоэтики территории связано с концептуализацией, высокой степенью рефлексии, историческим, антропологическим и философско-эстетическим осмыслением какой-либо местности и приобретением ее основными портретными чертами символического значения. Несомненно, данный фактор в первую очередь связан с литературой, т. е. то или иное географическое пространство концептуализируется в прозе и поэзии.

Уникальная красота нашего родного края Урала, овеянная народными преданиями, легендами, воссоздана в стихах и прозе многих русских художников слова: Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. Н. Толстого, А. П. Гайдара, Б. Л. Пастернака, А. Т. Твардовского, В. П. Астафьева и других. Читатель, слушатель, знакомясь с этими произведениями, представляет прозрачные голубые озера, бескрайние просторы, таинственные горные вершины Урала и его жителей – сильных, волевых свободолюбивых уральцев. Вероятно, поэт, для которого эти места родные и дорогие сердцу, расскажет о них как нельзя лучше. Людмила Татьяничева, Борис Ручьев, Марк Гроссман, Сергей Семянников, Валентин Сорокин, Ася Горская, Константин Скворцов и многие другие литераторы посвятили немало поэтических строк нашему родному краю. Наше исследование предполагает рассмотрение концептуального, символического образа Урала в лирике Людмилы Татьяничевой и Константина Скворцова.

Актуальность данной дипломной работы обусловлена в первую очередь ее практикоориентированностью. Изучение творчества уральских по происхождению поэтов, наших земляков Л. К. Татьяничевой и К. В. Скворцова в школе реализует национально-региональный компонент областного базисного учебного плана по литературе, а также служит материалом для подготовки учащихся к написанию итогового сочинения и

к сдаче итоговых экзаменов по литературе в 9 и 11 классах. Кроме того, материал исследования, как и заявлено в его названии, применим для программы обучения школьных элективных курсов по литературе.

Изучение региональной литературы необходимо для достижения личностных результатов освоения школьной учебной программы, которые определяет федеральный государственный образовательный стандарт, а именно: сформированность российской гражданской идентичности, патриотизма, любви к Отечеству и уважения к своему народу, чувства ответственности и долга перед Родиной, гордости за свой край. Кроме того, работа с этим материалом нацелена на расширение читательского кругозора учащихся, у которых нередко складывается представление о литературе, как об ограниченной в историческом времени и персоналиях области. Это актуально для школьников, чей читательский интерес не выходит за рамки школьной программы по литературе. Современному педагогу надлежит формировать у учащихся представление о литературе как о живой, постоянно развивающейся и пополняющейся новыми фактами области культурной жизни человека.

Для нас представляет интерес выявление устойчивых портретных черт Урала в лирике поэтов-уральцев, наших славных земляков, Людмилы Константиновны Татьяничевой и Константина Васильевича Скворцова, определение доминирующих художественных приемов в изображении края. И, как следствие, формулирование сходств и различий в лирической интерпретации образа малой Родины. Творческие биографии Татьяничевой и Скворцова отделены временем, однако их судьбы пересекались, и это немаловажный факт для выявления традиции изображения Урала в поэзии художников-земляков.

Людмила Константиновна Татьяничева (1915–1980) по праву встала в ряд лучших российских поэтесс, ее творческая биография началась именно на Урале и осталась неизменно связанной с краем. Города Свердловск, где поэтесса окончила школу и поступила в институт, и

Магнитогорск, куда на комсомольскую стройку отправилась юная Татьяначева, стали определенным истоком поэтического дара и сюжетов будущих произведений. Первый поэтический сборник Людмилы Константиновны «Верность» (1944) вышел в Челябинске, чуть позже Татьяначева возглавила областное книжное издательство. На этой должности поэтесса стала творческим наставником для многих молодых уральских литераторов, среди которых оказался выдающийся поэт, драматург и писатель *Константин Васильевич Скворцов* (род. 1939)

В 1941 году семья Скворцовых была эвакуирована на Южный Урал, в город Златоуст, где окончил школу будущий поэт-драматург. Златоуст останется в лирике Скворцова особой географической точкой, удивительно поэтичной и исполненной любви к родному городу. На Южном Урале вышли первые поэтические сборники Константина Васильевича «На четырех ветрах» (1966 г.), «Лунная река» (1968 г.) и др.; в Челябинске состоялась премьера первого из спектаклей, поставленного по драматическому произведению уральского драматурга, «Ущелье крылатых коней»; с 1975 по 1986 год Скворцов избирался ответственным секретарём Челябинской областной писательской организации Союза писателей России.

Тесная биографическая связь Л. К. Татьяначевой и К. В. Скворцова с Уралом породила поэтические тексты, в которых образ родного края представлен в интересном сплетении разных мотивов, сюжетов. Поэтическая константа «уральской» темы – картины величественной многоликой природы, которые приобретают черты философской лирики.

Научно-критическая база исследования включает в себя различные работы, в которых рассмотрены те или иные аспекты темы дипломной работы. Необходимо отметить научный труд В. В. Абашева и М. П. Абашевой «Литература и география. Урал в геопэтике России», в котором образ Урала сопоставлен с геопэтическим стереотипом

российского пространства, и определены эстетические и аксиологические доминанты изображения края [1].

Обобщение литературного опыта воссоздания образа Урала представлено в учебном пособии хрестоматийного типа 2008 года коллектива авторов во главе с составителем Е. С. Зашихиным [13].

Творчеству Людмилы Константиновны Татьяничей посвящено большое количество работ исследователей Л. В. Ханбекова, Н. А. Ягодинцевой, Н. В. Барковской, Д. В. Харитоновой, В. А. Богданова и многих других. В аспекте осмысления образа родного края следует отметить работы Т. Н. Марковой «Песня об Урале. Очерк творчества Людмилы Татьяничей», «Уральский характер в поэзии Людмилы Татьяничей» и вышедшие к 100-летию со дня рождения поэтессы статьи «П. Бажов в творческой судьбе Л. Татьяничей», «Жанровая и стилевая палитра поздней лирики Л. Татьяничей», работы В. Д. Федорова «Дочь Урала: судьба и творчество Людмилы Татьяничей», Л. П. Гальцевой «Свой край полюбив навсегда» и др. В юбилейные годы со дня рождения (в том числе в 2015-ый год – год 100-летия) Людмилы Татьяничей выходят научные работы, осмысляющие новые аспекты творчества поэтессы и все более в него углубляющиеся.

Творчеству Константина Скворцова посвятили свои труды такие исследователи, как Т. В. Соловьева, С. С. Арутюнов, Е. В. Омельченко, Л. П. Гашева, Г. С. Стругова, И. С. Лыкошин и не только. Особого внимания в аспекте осмысления образа Урала в лирике поэта заслуживают работы Л. И. Стрелец, обозначившей «уралоцентричную» национальную модель мира в творчестве Константина Скворцова, – «Русский мир Константина Скворцова» [24], «Вселенная Константина Скворцова» [21], «Оппозиция живое/мертвое в пьесах К. Скворцова» [23], «Мотив лицедейства в творчестве К. Скворцова» [22] и др.

Целью данного исследования является выявление особенностей лирического изображения Урала в стихотворениях Л. К. Татьяничей и

К. В. Скворцова. Выявив схождения и расхождения в намеченном предмете рассмотрения, мы сможем сделать вывод об индивидуально-авторских чертах геопоэтического образа и определенной традиции, объединяющей уральских художников слова.

Объект данного исследования – лирика Л. К. Татьянической и К. В. Скворцова.

Предметом исследования стали стихотворения Татьянической и Скворцова разных лет, которые так или иначе посвящены Уралу, содержат его природный образ или портреты земляков, образ времени, сопряженный с родным краем. В лирике поэтессы и поэта-драматурга широко представлены уральские топонимы, которые также подлежат художественной интерпретации в нашей работе.

Цель исследования и материал для анализа определили следующие задачи работы:

1. *Изучить* теоретические и методические аспекты обозначенной темы исследования; обобщить и обзорно представить опыт литературного изображения Урала в творчестве русских писателей и поэтов разных времен;
2. *Рассмотреть* стихотворения Людмилы Татьянической и Константина Скворцова, в которых так или иначе воссоздается образ Урала, произведения, содержащие конкретные уральские топонимы;
3. *Проанализировать* авторскую образную систему этих текстов, устойчивые мотивы и приемы, средства художественной выразительности, формирующие национальную модель мира в лирике Татьянической и Скворцова;
4. *Определить*, в чем заключается своеобразие авторского изображения Урала, выявить сходства и различия в создаваемом поэтическом образе родного края и сделать вывод об индивидуально-авторских чертах и о наметившейся поэтической традиции изображения Урала;

5. *Разработать* методическую часть по тематике исследования – материалы для школьного элективного курса по литературе.

Методы исследования, необходимые для достижения его цели:

1. *Биографический метод*, необходимый для установления взаимосвязей между биографией поэтов и особенностей изображения образа родного края в лирике;

2. *Метод описательной поэтики*, предполагающий раскрытие путем последовательного исследования художественных черт и свойств рассматриваемого концепта Урала;

3. *Структурно-семантический метод*, предполагающий рассмотрение стихотворения как структуры, модели, каждый элемент которой обладает своим значением;

4. *Сравнительный анализ*, цель которого выявить сходства и различия как отдельных образов, так и целых стихотворений, а также художественных концептов;

5. *Типологический метод*, необходимый для изучения общих сущностных особенностей представления образа Урала в поэтическом творчестве Л. К. Татьяничевой и К. В. Скворцова.

Цель и задачи исследования определили следующую *структуру* дипломной работы: введение, первая обзорная глава об образе Урала в литературе русских писателей и поэтов, вторая глава, посвященная рассмотрению образа Урала в лирике Л. К. Татьяничевой, третья глава, посвященная рассмотрению образа Урала в лирике К. В. Скворцова, заключение, обобщающее выявленные сходства и различия в изображении родного края поэта и поэтессы, приложение (методическая часть).

Материалы выпускной квалификационной работы апробированы во время педагогической стажерской практики по литературе в 2019 году в рамках проведения тематических уроков по теме исследования. Также по материалам работы отправлена на публикацию статья «Образ Урала в

лирике Л. К. Татьяничевой и К. В. Скворцова» в электронный журнал «Язык. Культура. Коммуникации» за 2020 год.

ГЛАВА 1. ОБРАЗ УРАЛА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Представление об Урале, как об удивительно живописном и безгранично богатом природными ресурсами крае, укоренилось в русском культурном сознании еще со времен освоения региона первыми переселенцами. Настоящая земная кладовая горно-таежного Урала собрала в себе россыпи самоцветных камней, драгоценные самородки, руды и прочие дары земли в изобилии: пушнина, рыба, птица, зверь и т.д. Знание о природных богатствах передавалось от человека к человеку, а фольклорное его сознание создавало легенды и предания о древних недрах уральской земли.

В период проведения Петром I социальных и хозяйственных реформ возведение первых металлургических заводов на Урале принесло здешним мастерам и работникам промышленного производства славу талантливых оружейников.

Экономический рост и расцвет региона связан с именами успешных в хозяйственной отрасли Строгановых, Демидовых, Походяшиных, Всеволожских, Яковлевых и других династий. Эти незаурядные, смелые и амбициозные люди стали героями народных легенд, повествующих о настойчивости и удаче тех, кого суровый край взрастил и одарил закаленным характером. Впоследствии судьбы предпринимателей, имена которых вошли в уральскую историю, станут сюжетами для литературы.

Пермский исследователь Владимир Васильевич Абашев отмечает: «Однако тематизация Урала в русской литературе происходит значительно раньше: в дневниках научных экспедиций XVIII века, в путевых очерках века следующего. И наконец, в 80-е годы XIX века в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка. Только Дмитрия Наркисовича Урал интересовал преимущественно в социологическом, антропологическом, историческом, характерологическом аспектах, но не как особая геополитическая реальность» [2]. То есть в обозначенный период литература пока

осмысляет и воссоздает быт уральцев, геопоэтические черты края обозначатся в творчестве художников слова позже.

Литературные сюжеты в большей части основывались на изображении экзотической самобытности уральской местности или показывали варварское разграбление «воротилами» природных ресурсов нашего региона. Творческое представление писателями уральской темы было неизменно связано с определенной изолированностью края, который даже замкнут на самом себе. Это обстоятельство, однако, осмыслялось в положительном ключе, поскольку еще позволяло сохранить естественность самобытности здешней жизни от негативного влияния оформлявшихся в русском обществе капиталистических отношений.

Представление об Урале, как о цельном самобытном крае, в России и за ее пределами менялось в ходе исторических, общественно-политических, экономических и социальных процессов, но к рубежу XIX и XX столетий за нашим регионом прочно закрепился символ природной «сокровищницы» страны, металлургического и вообще промышленного цеха государства. Наконец в культуре устоялся образ Урала как *кузницы Отечества*. Здесь имеет значение, безусловно, не только территориальный, но и временной аспект. Как отмечает исследователь И. Е. Васильев, образы огня и металла как символы кузницы будут востребованными на протяжении первой половины 1920-х гг.: «Топика кузницы связана с мифологизирующими тенденциями художественного сознания. Революция воспринималась как переход от старого к новому через грозные испытания и жертвы. Участники революционного действия представляли культурными героями, пересоздающими (творящими заново) мир» [5].

Спустя годы, после прошедшей индустриализации и после одержанной Победы в Великой Отечественной войне, образ уральской кузницы Отечества великий русский поэт и гражданин *Александр*

Трифонович Твардовский в поэме «За далью – даль» возведет в символ «опорного края державы»:

Урал!

Завет веков и вместе –

Предвестье будущих времен,

И в наши души, точно песня,

Могучим басом входит он –

Урал!

Опорный край державы,

Ее добытчик и кузнец,

Ровесник древней нашей славы

И славы нынешней творец (курсив наш. – Ю. А.) [32].

Этот образ, ставший настолько афористичным и знаковым, увековечен на гербе Свердловской области.

На переходной же черте XIX и XX веков характер изображения Урала был не столько художественный, сколько «мастерской» и выражался по большей части в промышленной сводке о масштабах производства чугуна, стали, меди и других металлов на местных металлургических заводах. И, несомненно, к ней прилагались оптимистические прогнозы развития заводской промышленности.

Однако нельзя не отметить действительно творческий вклад в формирование художественного образа Урала произведений *Д. Н. Мамина-Сибиряка*. Его роман «Приваловские миллионы» был опубликован в 1883 г. в журнале «Дело» и имел счастливую и долгую судьбу относительно издательства и признания читателей.

Сюжет, повествующий о попытках Сергея Привалова, наследника огромного состояния, возратить заводы, которые были несправедливо присвоены себе его опекунами, основан на реально существующих в истории старого Урала ситуациях незаконного «захвата» наследства. В качестве примера можно привести дело купца Губина, владельца

Сергинско-Уфалейских производств. Сами характеры литературных героев вобрали в себя реальные факты из династических историй Зотовых, Рязановых, Расторгуевых и других богатых уральских предпринимателей.

Подлинное знание исторической действительности уральского региона в момент активного капиталистического развития дает основание признать литературный материал произведения Мамина-Сибиряка достоверным. Кроме того, этот роман полно отражает своеобразие художественного слова писателя.

Начало XX века для уральской темы в литературе ознаменовано ощутимой сменой ракурса взгляда писателей, что обозначилось уже в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка. Урал, ранее оживлявший, так сказать, «этнографический» интерес у исследователей и художников как цельная самобытная местность, теперь становится интересным в исследовании характеров и устремлений здешних жителей, людей, возвращенных красотами суровой природы края и идеологией вдохновенного, облагораживающего труда.

Имен художников слова, в чьем творчестве деталь за деталью складывался литературный портрет уральского края, очень много. Это и писатели, чья биография тесно связана с нашим регионом: от Дмитрия Мамина-Сибиряка до Павла Бажова; и имена классиков, чья жизнь связана с Уралом лишь в определенном периоде: Алексей Толстой, Борис Пастернак и не только. Нельзя не упомянуть Бориса Ручьева, Алексея Решетова, Виктора Астафьева, Николая Никонова, художественное слово которых определило развитие словесности края в XX столетии. Прозаики Андрей Ромашов, Владислав Крапивин, Алексей Домнин, Виктор Потанин, Александр Филиппович и Александр Чуманов, Рустам Валеев и Иван Уханов, поэты Ксения Некрасова, Майя Никулина, Людмила Татьяничева, Николай Година, Виталий Кальпиди и Юрий Казарин, драматурги Константин Скворцов, Николай Коляда – это, конечно, не полный список литераторов, внесших свои черты в поэтический образ

Урала. Что и говорить о ХХI веке, в котором уральскую тему обогатили новые имена, например Алексей Иванов и Ольга Славникова.

Необходимо хоть и обзорно, но все же осветить черты портрета Урала в русской литературе.

Снова обратимся к прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка, ведь его роман «Горное гнездо» – один из самых знаменитых об Урале, создан он здесь же. Образ-заглавие сыграл значительную роль в формировании художественной стратегии изображения края для писателей и поэтов, обращавшихся к уральской теме будь то в натуралистическом, социально-психологическом или других аспектах. То есть всегда изображалась предметная действительность здешней жизни. Описание быта региона, еще неизвестного тогда широкой читательской аудитории страны, преобладало в художественном мире произведений, обращенных к Уралу.

Рассказ-очерк Мамина-Сибиряка «Сороковик» – это возвращение к уральской теме писателя, уже покинувшего край. Произведение раскрывает уральский характер старого охотника Андроныча в его самобытности и безыскусности. Современный исследователь Л. М. Слабожанинова в работе «Мамин, которого знаем мало» отмечает, что писатель «не обходит ни одной сколько-нибудь заметной черты в русском человеке. Скажем, контраст внешней заурядности и недюжинного внутреннего достоинства. Уральский охотник, на счету которого не один десяток убитых медведей, говорит о своем занятии как о самом обыкновенном. Старый Андроныч опасается лишь сорокового медведя, который считается у охотников противником роковым».

Мы чувствуем добрую, нисколько не укоряющую усмешку в конце рассказа, когда Андроныч обнаруживает, что вел арифметические подсчеты неверно и сороковой по счету медведь, которого он ждет и опасается, им давно уже побежден. Впрочем, сюжетобразующее народное поверье и варварские детали охоты – изображение здешней «экзотики» –

есть черты еще бытоописательной традиции изображения края, у истоков которой стоял сам Мамин-Сибиряк.

С нашим родным краем связан дебют *Алексея Николаевича Толстого* как прозаика, так как именно после его поездки на Урал был опубликован рассказ «Старая башня» в 1908 году. Будучи еще студентом Петербургского горного института, писатель, проходя практику, побывал на Невьянском металлургическом заводе. «Понравился мне Урал страшно» – так охарактеризует Толстой в одном из писем свои богатые впечатления от горного края, особенно писатель был поражен рабочими реалиями уральского быта, а также богатейшей историей региона, в том числе изложенной в устных фольклорных формах.

С Невьянской башней связаны многие сюжеты уральских преданий, в том числе о заводчиках Демидовых. Народное сознание приписывало башне самые разные секреты: родовые сокровищницы, подземные тюрьмы и потайные мастерские, где выплавлялись драгоценные металлы, или «тневая» чеканка монет. Впоследствии слухи становились мифами, которые перерождались в настоящие предания и легенды о загадочном сооружении. Так и герой Толстого, инженер, испытавший на себе влияние «рокового» предостережения из древнего предания, решившись снять со старой башни часы, в конце рассказа погибает.

Легенды о Невьянской башне воплотились еще не в одном произведении, например, в романе «Каменный пояс» Евгения Федорова или в «Курантах Невьянской башни» Павла Северного.

«Жизнь ни во что (Лбовщина)» – повесть 1926 года *Аркадия Петровича Гайдара*, посвященная двадцатилетию революционных событий на Мотовилихинском оружейном казенном заводе во время Первой русской революции в Перми. Герой народной молвы и легенд Александр Михайлович Лбов, который руководил борьбой рабочей дружины на баррикадах, затем продолжал сопротивление уже в лесах, стал героем повести Гайдара:

«Эта повесть – памяти Александра Лбова, человека, не знающего дороги в новое, но ненавидящего старое, недисциплинированного, невыдержанного, но смелого и гордого бунтовщика, вложившего всю ненависть в холодное дуло своего бессмертного маузера, перед которым в течение долгого времени трепетали сторожевые собаки самодержавия.

Памяти «Разбойника Лбова» и его товарищей: Демона, Грома, Змея, Фомы, Матроса и многих других, имена которых окутаны уже дымкой легенд по рабочему Уралу.

Памяти тех, кто нападали с криком, умирали со смехом и во время нервных, безрассудно смелых схваток ставили свою собственную жизнь ни во что» [13; с. 39].

Автор подчеркивает безрассудство и обесценивание собственных жизней повстанцев, однако именно их стихийная храбрость и решимость возвела «лбовцев» в число героев уральских легенд.

Гайдар при написании повести опирался на документальную хронику революционных событий – Пермские архивы, полицейские протоколы. Кроме того, писатель лично встречался с непосредственными участниками столкновений – партизанами-лбовцами, которые поведали свою правду истории, детали поведения повстанцев и подробности революционного быта.

Успех повести у читателей оказался так велик, что весь найденный документальный и не только материал послужил основой для написания еще одного произведения, опубликованного в 1927 году, – повести «Лесные братья» о восстании рабочих под предводительством братьев Давыдовых (Алексей Давыдов – один из дружинников Лбова, судьбы их оказались очень похожи: предательство и последующая казнь).

«Нет Урала, кроме пастернаковского Урала, как оно и есть: ссылаюсь на всех читавших «Детство Люверс» и «Уральские стихи», – так писала в начале 1930-х гг. Марина Цветаева [37], слова ее – подтверждение

того, что в художественном открытии нашего края сыграли значительную роль не только художники-уральцы, но и москвич *Борис Пастернак*.

Находясь на Урале с января по июнь 1916-го года, Борис Пастернак черпал здесь мотивы и сюжеты, которые впоследствии станут основой для его лирических и прозаических произведений. Впечатления от горнозаводского края нашли свое выражение в повести «*Детство Люверс*», действие которой разворачивается в Перми и Екатеринбурге, в «*Повести*» (1929 г.), в которой герой прибывает в Усолье. Сборник 1930 года «*Записки Патрика*» связан с Пермской губернией, здесь впервые появляется «уральское лицо Юрятина». Нельзя не отметить, что в Юрятине-Перми происходят события второго тома романа «*Доктор Живаго*».

Прибыв в январе 1916 года в поселок Пермского края Всеволодо-Вильву, Пастернак напишет в письме родителям: «Здесьшний быт, климат, природа, здешнее препровождение времени мое и мои занятия, – все это настолько далеко от Москвы, <...> настолько далеко и несходно, что мне не верится будто назад две недели я еще был в Москве; и затем я настолько себя в другом лице здесь чувствую» (письмо от 30 января 1916-го года) [15].

Значение уральского периода жизни Пастернака для его становления как художника слова отмечает исследователь В. В. Абашев:

«Переезд во Всеволодо-Вильву сообщил Пастернаку не только чувство неизмеримой удаленности от дома, но и ощущение внутренней дистанции по отношению к собственному прошлому. Отсюда оно представилось ему цельным, обозримым в общих очертаниях и логике движения. Это способствовало плодотворному окончательному самоопределению Пастернака. Содержание этого процесса можно определить следующим образом: возврат к темам прошлого, новое их проигрывание и окончательное преодоление.

Внутреннему сосредоточению Пастернака в высшей степени способствовали обстоятельства его жизни на севере Пермской губернии: он впервые попал в настоящий медвежий угол, место, типология которого была знакома ему только литературно» [2].

Павел Петрович Бажов родился в 1879 г. в семье рабочего металлургических заводов в Сысерти, Северском, Полевском (Пермская губерния). Отец будущего писателя никогда не занимался сельским хозяйством, так как в Сысертском заводском округе земельных наделов не было. Однако на Урале устройство жизни большей части населения рабочих-крестьян все же было связано с обязательными огородами с покосами и домашним скотом. Так что остаться в стороне от вопросов развития, вставших перед русской деревней, было сложно. Именно поэтому Павел Бажов, оставивший в 1917 году преподавательскую деятельность, глубоко погрузился в деятельность общественную, в частности в обсуждение направлений развития новой крестьянской жизни.

Будучи литератором-публицистом, Бажов издавал многочисленные пропагандистские листовки и брошюры, руководствуясь стремлением помочь крестьянам в поиске путей дальнейшей жизни. Писатель стал автором опубликованной «Программы трудового крестьянства».

Уже после окончания Гражданской войны, в 1923 году, Бажов назначается ответственным секретарем «Уральской областной крестьянской газеты» в Екатеринбурге, затем руководит крестьянским отделом, перерабатывая множество читательских писем и отчетных материалов. В процессе такой работы Павел Петрович не может не реагировать на события послереволюционных лет, будучи собственно участником Гражданской войны. Потому в середине 1930-х гг. писатель обращается к хронике создания боевых красноармейских отрядов в Камышловском и Ирбитском уездах в Пермской губернии, публикуя произведения «Бойцы первого призыва» (1934 г.) и «Формирование на ходу» (1936 г.). Автор определяет жанр книг как «очерки историко-

революционного порядка» и использует в качестве материала для их написания архивные сведения и собственные воспоминания и впечатления, ведь он сам служил в Красной армии, редактировал газету «Окопная свадьба».

Однако истинную славу и читательский успех П. П. Бажов обрел с публикацией в 1939 г. сборника сказов «Малахитовая шкатулка», который переиздавался впоследствии в столице в годы Великой Отечественной войны. Эта книга представила широкий эпический портрет Уральского края в его истории и лицах. Исследователи В. В. Блажес и М. А. Литовская подчеркивают немаловажный факт: «созданная писателем региональная мифология воспринимается как испокон веку существующая. Тайная сила, в которую верили уральские рудознатцы и камнерезы, становится реальностью культурного сознания современного человека» [4].

У Бажова волшебны не только магические хранители природных сокровищ Урала Хозяйка Медной горы и девка Азовка, Золотой Полоз и богатырь Денежкин, бабка Синюшка и Огневушка-Поскакушка, но и здешние вполне реальные искусные умельцы Данила-Мастер, Иванко Крылатко, дядя Вася Торокин и углежог Тимоха.

У читателя сказов Бажова в сознании сложился образ края, связанный с высоким творческим потенциалом мастерства рабочих людей, их гордостью за свое дело и, конечно же, неисчислимыми природными богатствами Уральских гор, которые были так необходимы стране с началом военных событий.

Как сообщают уральские историки, впервые к теме Урала и его жителей поэт *Владимир Владимирович Маяковский* обратился в начале 1921 года, создав агитационную речевку для плаката Отдела производственной пропаганды ЦК горно-заводских рабочих: «Эй, уралец! Без твоего рудника не победить разрухи никак!»

Сотрудничество поэта с уральской периодикой, собственно начавшееся в 1923 году, демонстрируют публикации стихотворений: в

журнале «Товарищ Терентий» лирический текст «На земле мир, но человек благоволение», в издании «Юный пролетарий Урала» было напечатано стихотворение «Еще одно – «Долой!», в молодежной газете «На смену!» – «Авиачастушки», в «Уральском рабочем» – публикация двух стихотворений и фрагмента поэмы «Владимир Ильич Ленин» [13].

Собственно Урал становится предметом повествования стихотворений, которые Маяковский напишет во время своей поездки по краю в 1928 году: «Екатеринбург–Свердловск», «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру», «Император»:

Из снегового,
 слепающего лоска,
из перепутанных
 сучьев
 и хвои – встает
внезапно
 домами Свердловска
новый город:
 работник и воин.
Под Екатеринбургом
 рыли каратики,
Вгрызались
 в мерзлые
 породы и руды –
чтоб на грудях
 коронованной Катки
переливались
 изумруды [13; с. 176].

(«Екатеринбург–Свердловск»)

На рубеже 20-30-х годов XX века преобразования индустриализации стремительно двигались вперед. На Урале, превратившемся в большую

стройку «другой России», знаменитый Магнитострой становится одним из символов новой эпохи.

Предвкушение стремительного обновления уклада жизни чувствуется в названии первой книги уральского поэта, участника строительства Магнитки *Бориса Ручьева* «Вторая Родина», опубликованной в 1933 году.

В «Стихах первому другу Михаилу Люгарину» выражено противопоставление «первой» – прежней Родины с пашнями, луговинами и сельщиной и «упорного фронта самых яростных работ». Ощущение большой стройки новой жизни отражено в стихотворении с программным названием «Стихи о первой родине»:

Самое же главное –
что начало пройдено,
расскажу товарищам
лучшими из слов:
по второй
равняется
первая родина
нашею дорогой
построечных
боев [13; с. 190].

Суть «новой» Родины, ее понимание Борисом Ручьевым выразились в строках первого стихотворения сборника, послужившего своеобразным эпиграфом ко всем текстам собрания:

...Сыграй-ка,
раздумье по-новому взвесив,
про наши участки,
ударные дни
хорошую песню,
веселую песню,

которая бодрости
ладом сродни.
Чтоб каждый
за доблесть, за славу, за стойкость
пришедший и строящий
Магнитострой,
от песни
с улыбкою вышел к постройке
и стройку же
родиной сделал второй [13; с. 190].

Один из самых значительных русских писателей XX века *Виктор Петрович Астафьев* связан с Уралом целым периодом жизни (без малого 24 года). Об этом времени писатель рассказал в автобиографическом очерке «Подводя итоги»: «Первый же свой рассказ я написал в 1951 году, в уральском городе Чусовом, куда приехал на жительство в 1945 году, после демобилизации из армии. Жена моя родом чусовлянка и тоже была на войне. Познакомились мы с ней в нестроевой части, куда я был направлен после госпиталя. Несколько лет я был рабочим на разных предприятиях, даже в горячий цех вагонного депо залез – чтобы побольше зарабатывать, так как жилось нам очень трудно и скудно» [13; с. 289].

Следует отметить, что связь Астафьева с Уралом не прекращалась никогда: здесь остались его друзья, ученики на литературном поприще Михаил Голубков и Михаил Фомин, кроме того, он активно работал членом редколлегии журнала «Уральский следопыт».

Уральские страницы литературной биографии писателя включают в себя рассказ «До будущей весны», повествующий о рискованной профессии металлурга-сплавщика. Изображенный мужественный труд в тяжелых условиях для уральской литературы стал выражением того самого уральского характера, проходящего тест на мужественность и стойкость.

Не представляется возможным хотя бы не упомянуть в обзорном материале современных прозаиков, обращающихся к уральской теме. Среди них *Алексей Иванов* (род. в 1969 г.), автор романов «Сердце Пармы», «Географ глобус пропил», «Золото бунта», составляющих уральский цикл произведений. Как отмечают исследователи В. В. Абашев и М. П. Абашева в работе «Литература и география. Урал в геопоэтике России», в творчестве Алексея Иванова получили развитие традиции изображения Урала П. П. Бажова, однако современный прозаик открыл и новые пути: «Воссоздав с потрясающим эффектом художественной реальности мир средневековой Перми Великой, романом «Сердце Пармы» Алексей Иванов открыл литературе пути к обновленному художественному регионализму, темпераментному и энергичному, уверенному в себе и думающему без оглядки на литературный мейнстрим. Все романы его уральского цикла объединяет целостная и сильная интуиция ландшафта, чувство земли» [1].

Фантастические элементы повествования в романах Алексея Иванова проявляются не только в появлении сверхъестественных явлений и существ, но и в особом описании рек, гор, тайги, которые словно удивляют героя. В «Сердце Пармы» холм метафоризируется до образа «огромного сердца земли», что отражает архаическое восприятие природы: «Они медленно шагали по Священной дороге. Трещали кузнечики, во рву у Вышкара пели лягушки, в реке изредка всплескивала рыба. Неприкаянные духи бродили по лесу, шумели ветвями, вздыхали, перешептывались. Только Мертвая Парма горбилась, как глыба подземной тишины. Для старого шамана она была словно мускул огромного сердца земли, которое обнажилось из-под почвы и медленно бьется вместе с высоким ходом судеб, что как тучи плывут над памом и князем, над Мертвой Пармой, над народами, богами и звездами» [1].

Выводы по главе 1

«Немного найдется таких уголков на Руси... где в такой величайшей панораме картины гор и скал, где... население, образ его жизни, историческое прошлое, нравы, условия труда – все было бы преисполнено такой оригинальности и своеобразной поэзии» – эти слова Д. Н. Мамина-Сибиряка [8] как нельзя лучше определяют особую художественную силу Уральского края для людей, способных воспринять красоту природы и величие человеческого характера как выражение духовно-нравственного начала здешней жизни.

Приведенные в главе литературные произведения писателей демонстрируют устойчивые черты в геопоэтическом портрете региона: значительная роль народной культуры уральцев, в частности фольклора, который по-особенному осмысляет исторические события и роль в них отдельных лиц; представление о здешнем жителе как о человеке смелом, решительном, готовом трудиться во благо общего преобразования жизни.

Важны не просто картины поистине уникальной природной панорамы, а ее некое созвучие с формированием людских характеров: так же, как горы устремлены ввысь, вперед устремлены и воля, вера уральца, неизменно оптимистичны его взгляды в будущее. Но много внимания уделяется и недрам здешней земли, полной ресурсов, ставших для всего государства в определяющий момент ключевым источником средств борьбы.

Вообще в разнородной геопоэтической картине России Урал – край, ассоциирующийся с мифологичными образами кузницы, сокровищницы. Такое сочетание порождает своеобразный миф об Урале. Эту мысль подтверждает исследователь Е. С. Зашихин, составитель хрестоматийного издания «Образ Урала в документах и литературных произведениях (на материале XX века)»:

«Однако творцы-земляки, да и заезжие авторы, пишущие о нашем крае, каким-то парадоксальным образом все-таки попадают под названную сень [под «сень Уральских гор»], ведь по неоднократно прозвучавшему в

литературе тезису, прежде чем регион обрел в общественном сознании внятные узнаваемые черты, Урал реализовался как миф» [13].

Исследователями отмечается определенное отождествление в сознании людей «каменного» представления об Урале с его культурным образом. Данная ассоциация не вызывает удивления, поскольку Уральские горы действительно уникальны. На их месте когда-то давно находился Рифейский хребет – граница Земли. Теперь здесь проходит граница Европы и Азии. А глубинная потаенность недр земли и человеческих душ делает Урал и вовсе мистическим, потому так много легенд и преданий населяют это пространство.

Любопытно, что даже те художники слова, которые жили на равнинной части Урала или низменности (например, В. П. Астафьев или К. Я. Лягунов), фиксировали в картине окружающего ландшафта в первую очередь ломающую горизонт вертикаль, что отражено и в названиях произведений: «На крутоярье» – вторая часть астафьевского романа «Тают снега»; «Больно берег крут» – роман Константина Лягунова.

Определение уральской ментальности сформулировал живший на Урале в период эвакуации Великой Отечественной войны критик Лев Аннинский в статье «Уральский характер»:

«Уралец равновелик Высшей Власти. Он ей не столько подданный, сколько партнер. Как учредила матушка Екатерина Высшее Горное начальство вровень с губерниями (Екатеринбург еще и городом не был), так и пошло: Урал – место особое. С Урала, как с Дона, выдачи нет – не из монастыря, ни с завода. Здесь укроют, здесь и угробят...

Выходцы из «двадцати губерний» формируют характер, главная черта которого – независимость – «не земля, а ремесло». Здравый смысл. Умелость. Крутая верность традициям... И притом – непрерывный технологический прессинг, заставляющий учиться, учиться, учиться...» [3].

Критик подчеркивает, что сама история края фиксирует особенное положение нашего края. Независимость, как главная черта здешней жизни, сочетается с глубинной верностью культурным, родовым традициям и непрерывной способностью учиться новому, что обеспечило возможность идти вперед с оптимистическими стремлениями.

Литературный стереотип изображения Урала Е. С. Зашихин определил так: «усредненный тематический набор из уральской экзотики, к которой приплюсован производственный конфликт, воплощенный в ошибке «крутых» характеров персонажей» [13; с. 371]. Между тем этого не достаточно для завоевания любви читателей и признания критиков, необходима все же творческая самобытность автора, состоявшегося художника слова, и мастерство. Только такие произведения стоят в ряду тех, которые действительно сформировали в читательском сознании цельный образ той или иной территории.

Следует отметить, что на рубеже XX и XXI веков появилось много новых произведений, авторы которых обращаются к образу Уралу и обогащают его своими индивидуальными чертами. Это художники-уральцы: екатеринбуржцы Николай Коляда, Борис Рыжий, Анна Матвеева, Игорь Сахновский, пермяки Павел Чечеткин, Алексей Иванов, тюмонец Виктор Строгальщиков, южноуральцы Нина Ягодинцева, Вячеслав Моисеев и др. В литературе нового периода так или иначе находит отражение рубежное состояние.

Однако прежними остаются сложившиеся столетиями основные черты образа Урала. В романе «2017» Ольги Славниковой, родившейся на Урале, мы находим выразительное писание: «Рифейские горы на рельефном глобусе похожи на старый растянутый шрам» [18].

ГЛАВА 2. УРАЛ В ЛИРИКЕ Л. К. ТАТЬЯНИЧЕВОЙ

2.1 Творческая биография Л. К. Татьяничевой

Советская поэтесса, писательница и общественный деятель Людмила Константиновна Татьяничева родилась в декабре 1915 года в среднерусском городке Ардатове. Ее мать Агрипина Степановна Татьяничева была сельской учительницей, известно, что она сама писала стихи, вела дневники, однако ничего не сохранилось. Отец – студент-медик – скончался, когда дочери было всего 3 года. В 10 лет Людмила Татьяничева потеряла и мать, осталась сиротой. По признанию самой поэтессы, это событие окончательно оборвало ее детство.

Взяли на воспитание маленькую Людмилу дальние родственники из Свердловска – Константин Рафаилович и Мария Александровна Кожевниковы. С этого момента Урал стал родным краем поэтессы. Интеллигентная семья преподавателей всячески поощряла увлечение поэзией юной Татьяничевой, которое она, очевидно, унаследовала от матери.

По окончании школьной семилетки началась трудовая жизнь Людмилы Татьяничевой – работа на вагоностроительном заводе имени Воеводина ученицей токаря. Это особенное время Татьяничева в воспоминаниях описала так:

«Здесь впервые ощутила чувство рабочего товарищества и личной причастности к коллективному труду. И ни с чем не сравнимую радость, когда из куска металла формируется точная деталь, сверкающая стальными гранями. Деталь, выточенная твоими собственными руками!» [31].

Окончив рабфак и 2 курса института цветных металлов, Татьяничева оказалась у подножья горы Магнитной. Этот момент – начало творческой биографии поэтессы:

«Почему? Потому что не поехать туда не могла! Ведь Магнитка в те годы для молодого сердца значила не меньше, чем Сибирь для молодёжи шестидесятых годов» [31].

В Магнитогорске, в небезызвестном 112-ом «писательском» бараке Татьяничеву приютила семья поэта Михаила Люгарина. Горкомом комсомола поэтесса была направлена в местную газету «Магнитогорский рабочий», где она работала репортером, литработником в отделе писем. И, конечно, Татьяничева продолжала пробовать свои силы в поэзии:

«Литературная жизнь Магнитогорска тех лет была ключом. Мы выпускали литературные страницы в городских и многотиражных газетах. Был у нас даже свой ежемесячный журнал «За Магнитострой литературы». Формировалась сильная литературная организация. В неё входили: Борис Ручьёв, Василий Макаров, Александр Авдеенко, Михаил Люгарин, Марк Гроссман, Вячеслав Дробышевский, Николай Смелянский, Анатолий Панфилов и другие» [31].

Обучение в Литературном университете имени А. М. Горького Людмила Татьяничева совмещала с работой, писательством, общественной деятельностью депутата горсовета и воспитанием сына.

В 1944 г. в Челябинске вышел первый поэтический сборник Людмила Татьяничевой «Верность», а несколькими месяцами спустя поэтесса возглавила областное книжное издательство.

Более десяти лет с 1965 г. Людмила Татьяничева находилась на должности ответственного секретаря отделения Союза писателей, эта работа познакомила поэтессу с многими талантливыми дарованиями и интересными книгами.

«Два года была собкором «Литературной газеты» по Уралу. И лишь в 1959 году профессионализировалась как писатель. С этого времени, собственно, и началась самая активная пора в моей творческой работе» [31].

Людмила Татьяничева была удостоена многих творческих и общественных наград: орден Октябрьской революции, орден Трудового Красного Знамени, орден «Знак Почета». В 1971 году поэтический сборник «Зорька» был удостоен Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького. Всего было опубликовано порядка 40 сборников стихов Татьяничевой.

8 апреля 1980 года Людмила Константиновна скончалась, была похоронена в Москве, на Кунцевском кладбище.

Имя поэтессы увековечено ежегодной литературной премией имени Л. К. Татьяничевой. В Магнитогорске, Екатеринбурге и Челябинске установлены мемориальные доски, в последнем городе в честь поэтессы названы улица и библиотека.

В космической бесконечности имя Людмилы Татьяничевой несет малая планета № 3517. А в памяти людей навсегда остались стихотворения поэтессы.

2.2 Черты образа Урала в произведениях Л. К. Татьяничевой

Пространство родного края в стихотворениях Л. К. Татьяничевой явлено читателю как картина во многом *мифологическая, сказочная*: уральские озера разрастаются до морей, океанов, в которых плещутся серебряные рыбы, леса видятся райским садом, подоблачные сосны достают верхушками до небосвода. Мы видим Урал глазами лирической героини, устремленными ввысь. Часто в стихотворениях уральской тематики поэтессы появляется *мотив сна*, в котором видятся идиллические картины родной природы, одухотворенной, всегда залитой солнцем и обращенной к путнице, ищущей здесь ответы на свои вопросы. Урал неизменно сопряжен с *мотивом пути*, который, конечно, есть жизненный путь, берущий начало именно здесь:

Тургояк и Инышко
Разрослись в океаны.

По тайге без дорожек
Я иду, как по саду.
Все на сказку похоже,
Все похоже на правду (курсив наш. – Ю. А.).
(«Козы шли к водопою...»)
Я иду тропинкой узкой.
Камни катятся, шурша.
Красотою щедрой, русской
До краев полна душа.<...>
...Этот край мне будет сниться
Неотступно, словно ты.
(«После грозы»)
А если на чужбине, *среди сна,*
Согреет нас дыханием сосна,
То, как рисунок на булатной стали,
Возникнет в сердце песня об Урале.
(«Средь имен любимых и родных...»)
Вся отдаваясь радости движенья,
Меня вело моё отображенье.
Я шла одна,
У мира на виду!
(«О счастье я не знала ничего»)
Иду сквозь дождички босые
Иль по хрустальной белизне,
Слова:
Отчизна, Русь, Россия –
Ликуют музыкой во мне.
(«Как ты скромна в своем величье...»)
Это все не настоящее, –
Говорила я тогда. –

Это все еще преддверие,
Встреча краткая *в пути*...
Ты за глупое неверие хоть теперь меня прости!
(«У рассвета сосны розовы...»)
Всё чаще *снится мне*
Мой корабельный бор.
В надгорной вышине
Раскинул он шатёр.
У ног его простёрт
Седой гордец Урал.
(«Корабельный бор») [29]

Татьяничева создает свою *собственную легенду* об Урале в стихотворении «Малахит» (1945). Согласно ей горы и хребты родного края когда-то покрывало древнее вольное море, оставившее на память о себе камень *малахит*, переливающийся зелеными волнами. Потому уральская природа столь своенравна и просторна:

Когда-то над хребтом Урала,
Солёной свежести полна,
С ветрами запросто играла
Морская вольная волна.
Ей было любо на просторе
С разбегу устремляться ввысь.
Отхлынуло, исчезло море,
И горы в небо поднялись [29].

Фольклорные образы частотны и в других текстах: родной край неотъемлемо связан в сознании лирической героини с *песнями*, среди уральских гор мы встретим мифическую птицу «*синельгу*», небо осветится «*радугой-дугой*»:

Россия *песнями* звенит,
Что и до нас ещё

Сложили.

(«Не гасло солнце над Россией»)

Но сердце русское

Всё то же.

И доброта.

И *песни* те ж!

(«Живу я в глубине России...»)

То, как рисунок на булатной стали,

Возникнет в сердце *песня об Урале*.

(«Среди имен любимых и родных...»)

Через луг осеребрённый,

Через *радугу-дугу*... (курсив наш. – Ю. А.)

(«Дорога») [29]

Разговорные и фольклорные *элементы народного говора* поэта органично вводит в ткань стихотворений. Это придает произведениям особую выразительность, безыскусную красоту, фольклорные образы понятны каждому земляку Татьяничевой, выросшему на сказках, быличках и народных легендах:

С трех березок,

С трех сестер

Сдул все листья *листопад*.

(«Приходи скорей, зима»)

Усталые руки худые,

В ожогах,

В железной пыли.

И *чубчики* ваши

Седые

От вьюг этой гордой земли (курсив наш. – Ю. А.).

(«Угланы») [26]

Уральская природа, удивительная, величественная, несомненно, является поэтической доминантой в стихотворениях Татьяничевой о родном крае. Именно здешние богатые прохладные леса, горы, увлекающие взгляд ввысь, бурные чистые реки сформировали нрав уральцев, характер и мироощущение лирической героини.

Одухотворенность художественного пространства в поэтических текстах выражается *олицетворением* всех природных образов, которые неизменно находятся в диалоге с человеком:

Своенравное, как море,

В стороне от светлых дач,

Дождь и ветер *переспоря*,

Отдыхает Кисегач.

(«После грозы»)

Он морем до краёв наполнен,

И кажется: слегка подуть —

Проснутся каменные волны

И морю вновь *укажут* путь.

(«Малахит»)

Как девочки,

Сосны *босые*

Сбегают с подоблачных скал.

(«Урал»)

Зелёная шальная речка Ай

Задорно мне *кричала*:

– Догоняй!

(«К названьям рек...») [29]

Среди природных образов родного края одним из самых частотных становится *сосна*. Именно эта хвойная красавица являет собой *символ* уральских лесов, родной природы. Даже солнце смотрит «*через хвойные ресницы*» на землю («После грозы»). А в стихотворении «Здесь и в

полдень все тропинки росны...» лирическая героиня обращается к хвойным деревьям, как к родной земле, как собственной судьбе, впитавшей в себя всю красоту и характер Урала, и обещает всегда хранить в сердце их драгоценный образ:

Здесь и в полдень все тропинки росны.

Нежен мох, как шёрстка у зайчат.

Что мне скажут на прощанье *сосны*?

Или, может, гордо промолчат?

Загрущу, не подавая виду,

И, как *сётрам*, соснам я скажу:

Не таите на меня обиду,

Я с собой вас в сердце уношу!

(«Здесь и в полдень все тропинки росны...»)

Милы и дороги до боли,

Да так, что глаз не оторвать,

Мне брови лиственниц соболю

И *сосен* царственная стать (курсив наш. – Ю. А.).

(«Живу я в глубине России...») [29]

Красоту хвойных деревьев в лирике поэтессы подчеркивает образ *корабельного бора* в одноименном стихотворении. Корабельные сосны – такие, какие пригодны для судостроительства, то есть высокие, ровные, крепкие как на подбор. Исключительные красоты местной природы отмечаются практически во всех текстах Татьяничевой об Урале.

Нельзя не отметить еще одну устойчивую черту изображения родного края у Татьяничевой – Урал всегда освещен ярким *солнцем*. Солнечный свет – выражение благословения жизни всех людей, живущих и трудящихся здесь. Солнце освещает жизненный путь человека, который берет свое начало на Урале и, несомненно, всегда будет пересекаться с ним:

Через хвойные ресницы

Смотрит солнце с высоты.

...Этот край мне будет сниться

Неотступно, словно ты.

(«После грозы»)

Нет, даже и в промозглой мгле

Не гасло солнце над Россией!

(«Не гасло солнце над Россией»)

Как *солнце* в драгоценной грани,

В Урале Русь отражена (курсив наш. – Ю. А.).

(«Живу я в глубине России...») [29]

В «уральских» текстах поэтессы твердость, решимость и упорство уральского характера нашли отражение в устойчивых *«твердых» образах*: камень, гранит, металл, руда. Эти мотивы в сущности и формируют своеобразие Урала Татьяничевой: соединение красоты одухотворенной природы и, в то же время, ее суровости, буйности. Природа нашего родного края способна поразить своей многогранностью, климат порой весьма не ласков. Природный нрав, несомненно, находит отражение в характерах и натуре людей: благородство, сила и трудолюбие, стойкость, упорство. Недаром в стихотворении «Корабельный бор» предстает образ «седого гордеца Урала», соединяющий в себе многовековую историю края и его твердый характер.

Мы с тобой, дорога, квиты!

Ты вела меня, вела

Через черные граниты,

Где и вьюга не мела.

(«Дорога»)

Мне дороги лица простые

И руки, что плавят *металл*.

(«Урал»)

От цветка, от жизнелюба,

Трудно взгляд мне отвести.

Как он смог сквозь *камень* грубый

Нежным сердцем прорасти? (курсив наш. – Ю. А.)

(«Камнеломка») [29]

В продолжение разговора об образе уральской природы в лирике поэтессы интересно рассмотрение стихотворения «Камнеломка». Образ цветка с говорящим названием, которое является выражением его характера, судьбы, есть обобщенный образ уральца. В подтверждение тому диалог лирической героини с камнеломкой, в котором становится ясно, что способность хрупкого цветка прорасти нежным сердцем сквозь *камень* – отличительная черта человека, возвращённого Уралом – краем, соединяющим твердость горных руд и доброту человеческих сердец.

Камнеломку я спросила:

– Не возьму никак я в толк,

Где берёшь ты эту силу,

Хрупкий маленький цветок? –

Он ответил мне негромко,

Простодушно, не со зла:

– Ты ведь тоже камнеломка,

Вспомни,

Как сама росла! [29]

Стихотворение «Камнеломка» обнаруживает открытый *психологический параллелизм* образа лирической героини с природными образами. Этот художественный прием, несомненно, присущ и другим текстам, так как природа родного края всегда олицетворена, одухотворена и находится в диалоге с лирической героиней, о чем было сказано выше.

«Когда говорят о России, я вижу свой *синий Урал*» – строки из стихотворения «Урал» обнаруживают еще один устойчивый мотив в изображении родного края Татьяничевой. Горы, реки, леса и металл в «уральской» лирике поэтессы всегда видятся в *синем, голубом сиянии*. Это

восприятие, определенно, человека, чей взгляд устремлен вверх, к небу. Урал с его величественными горами, «корабельными» соснами – это устремленность ввысь. Здесь обнаруживается психологический параллелизм изображения картин природы и людских судеб. Уральцев – мастеров, металлургов, трудолюбивых рабочих – характеризуют высокие стремления и помыслы, движение вперед, вдохновенность. Устремленные ввысь горы и взгляды поколения – это и есть Урал Татьянической:

Живу я в глубине России,
В краю озёр и рудных скал.
Здесь реки – *сини*, горы – *сини*
И в *синих* отсветах металл.
(«Живу я в глубине России...»)
И увидишь ты, как сосны
Украшают полотно.
Иглы тонко вышивают
Синим крестиком узор (курсив наш. – Ю. А.).
(«Сказка») [29]

Однако этим «уральская» цветопись в текстах поэтессы не ограничивается. Образ Урала переливается *зеленым, изумрудным цветом*. Неслучайно в стихотворении-легенде Татьянической *малахит* становится символом истории края, его изумрудные переливы напоминают волны древних морей. Так и в других текстах зеленым цветом окрашены черты родных мест:

Отыщи нетронутые руды
И земные звёзды –
Изумруды.
(«Синегорье»)
Тайга, тайга... Берёт отсюда
Начало *изумрудный* цвет,
А зеленее изумруда

Ни дерева, ни камня нет! (курсив наш. – Ю. А.)

(«Живу я в глубине России...») [29]

Родной край в художественном мире Татьяничевой, как начало всех начал, есть *мир юности, детства*, в который порой так хочется вернуться. Для поэтессы с Уралом неизменно связано *счастье* простой, естественной жизни рядом с трудолюбивыми земляками, которых объединяет взгляд вперед, в будущее, стремление к плодотворному труду:

Мой золотистый, мой вчерашний мир,

Где всё, как в детстве,

Чисто и безгрешно,

Как молодо цвели твои черешни,

Какие ты богатства мне дарил!

<...>

Дозволь мне снова *юность перечесть*,

Как сказку —

Не деля её на части...

А счастье?

Может, в том оно и есть,

Когда живёшь,

Не думая о счастье!

(«О счастье я не знала ничего...»)

В заречные зовущие просторы

Стремглав летим мы *детство догонять*.

(«Как часто невниманьем обижаем...»)

Мне не с чем мой Урал сравнить.

Иной здесь видится Россия.

Суровой, строже, может быть,

А может, здесь она *моложе*... (курсив наш. – Ю. А.)

(«Живу я в глубине России...») [29]

Часто сюжетная основа стихотворений поэтессы основана на лично пережитых событиях, ситуациях, переживая впечатления от которых, авторская мысль переходит к более широким философским обобщениям. Так в стихотворении «После грозы» в картину родной уральской природы вписан словно эпизод из жизни юной Людмилы Татьяничевой, образ которой легко узнаваем: смуглая девушка с тяжелыми темными косами из Магнитки. Диалог с юношей, смотрящем прямо в глаза, как драгоценная страница из памяти поэтессы становится сюжетом именно для «уральского» текста, что говорит о том, что Урал дорог лирической героине как собственная судьба и все самое настоящее в ней:

Да смуглянке возле сходней

Смотрит юноша в глаза.

– Хорошо-то как сегодня.

Я люблю, когда гроза...

Платье вымокло до нитки.

Косы – темных два ручья.

– Ты откуда?

– Из Магнитки.

– Чья?

– Пока еще ничья! [26]

В поэзии Татьяничевой широко представлена топонимика Урала: озера Кисегач, Иссык-Куль, Чебаркуль, Тургояк, Иньшко, реки Ай, Иртыш, Тобол, Кама, Магнит-гора и Синегорье и др. В большинстве своем башкирские, эти названия звучат поэтично, хранят в себе черты устной народной речи, которая так ценна для поэта и любима каждым уральцем. Стихотворение «К названьям рек...» демонстрирует, как дороги названия родных мест для лирической героини Татьяничевой, каждое из них – отражение природного облика рек, гор и т.д.:

К названьям рек,

Коротким словно вскрик,

Мой слух ещё в младенчестве приник.

Зелёная шальная речка Ай

Задорно мне кричала:

– Догоняй! –

Башкирской речи солнечную грань

Хранит в своём теченье Юрюзань.

Как звон струи,

Как влажное буль-буль

Озёра Иссык-Куль

И Чебаркуль.

Клич беркутов,

Взлетающих с горы.

Мне слышится в названье

Ай-Дарлы.

И кажется, что сам собой возник

Поэзии отзывчивый язык [29].

Уникальным Урал Л. К. Татьянической делает сплетение природных, вечных образов с конкретными, урбанистическими – *приметами времени*. Здесь развернулись великие стройки («Родниковая грань»), среди родных сосен возвышается не менее величественный завод («Сказка»), огнем созиданья дышат мартены и доменные печи («Урал»), раскат грома бьет как электрический ток, а солнечные лучи над Иртышом похожи на провода («Пылающих туч гряда...»). Образ *красного знамени* как символ нового времени, как символ человеческой воли и труда, преобразующих и покоряющих, появляется во многих стихотворениях об Отчизне:

Но нас в года тревожные

Сроднило Знамя Красное

И чувство непреложное.

(«Россияне»)

А как молодит тебя красный

Октябрьского знамени шёлк.

(«Отчизна») [26]

Для поэтессы величественным Урал предстает в людях – мастерах, работниках, металлургах – тех, кто собственным трудом облагораживает суровый край, покоряет буйную природу своей воле. **Труд** становится нравственным, духовным понятием:

Железное слово “*труд*”<...>

Надежное это слово.

Вместе с словами: мать,

Правда, народ, Россия –

Пойдёт да пойдёт шагать

(«Надежное слово») [26]

Как нельзя лучше данную мысль подтверждает стихотворение «Я горы не хочу обидеть...». Высота величественных гор родного края сравнима лишь с духовной высотой уральцев, высокой культурой труда людей, с их движением вперед в истории:

Я горы не хочу обидеть.<...>

Но с каждым днём всё дерзновенней

Людские судьбы и пути...

(«Я горы не хочу обидеть...»)

Я отсчёт *высоты* веду, —

По высокой мысли людской,

По движенью вперёд,

По *труду* (курсив наш. – Ю. А.).

(«Магнит-гора») [29]

Характер лирической героини Татьяничевой, сильный, волевой, строгий, сформирован природой сурового горного края и непростой судьбой. Одновременно с тем нрав героини, как точно сформулировал исследователь Д. В. Харитонов в работе «Свет звезды по имени Людмила Татьяничева», «в соответствии с эпохой советских преобразований,

оптимистический» (курсив наш. – Ю. А.). Поэтесса никогда не отделяла собственной судьбы от судьбы народа, его исторических достижений и стремлений:

Я не ждала от жизни привилегий.

Считала счастьем быть такой, как все.

<...>

С народом вместе прожитые годы

За мною встали, как богатыри.

(«Моя привилегия») [29]

Важной особенностью лирики Л. К. Татьяничевой является тяготение ее к малым, но мыслёмким формам. Эту черту отмечает исследователь Т. Н. Маркова в работе «Жанровая и стилевая палитра поздней лирики Л. Татьяничевой (к 100-летию со дня рождения поэтессы)»: «В жанровом отношении Татьяничева всегда тяготела, а в последние годы отдает явное предпочтение лаконичным, концентрированным формам лирических медитаций, исчерпывающих замысел в малом объёме. Отталкиваясь от предмета, факта, явления природы или жизни, на этой базе она строит мыслёмкое лирическое стихотворение, в котором сама поэтическая мысль возникает под решающим воздействием впечатлений, полученных от внешнего, объективного мира» [9].

В подтверждение этого тезиса можно привести многие тексты поэтессы, среди которых стихотворение «Не для себя деревья плодоносят...», заканчивающееся почти афористичным, глубоким и лаконичным нравственным выводом:

Себя мы с ними

сравнивать не будем,

но каждый знает,

эту жизнь любя,

что чем щедрее отдаешь

ты людям,
тем радостней живешь
и для себя! [29]

Замечательное стихотворение «Гордые» также демонстрирует удивительную концентрированность мысли, жизненного опыта так, словно целая прожитая судьба под пером Татьянической свернулась в небольшую, но крайне выразительную картину:

Гордым – легче.
Гордые – не плачут.
Ни от ран,
Ни от душевной боли.
На чужих дорогах не маячат.
О любви, как нищие, не молят.
Широко раскрылены их плечи,
не гнетет их зависти короста...
Это правда –
гордым в жизни легче,
только гордым сделаться
непросто [29].

Лаконичность, мыслемкость, яркая выразительность и отточенность каждого штриха характеризуют поэзии Людмилы Константиновны Татьянической как самобытное и значительное литературное явление в культуре XX века.

Выводы по главе 2

Связь имени поэта с его родным краем проявляется в индивидуальной образной системе и характере лирического героя. Так суровая, но одухотворенная природа Уральского края сформировала сильный и вдохновенный характер поэзии Людмилы Татьянической. Ее Урал – край древний и многогранный. Здешняя природа поражает своими

красотами и масштабами: величественные горы, высокие «корабельные» сосны, озера, разливающиеся в океаны. Лирическая героиня проходит свой путь, ее взгляд и душа обращены к родным местам, которые словно хранят в себе все истины и указывают верное направление.

Урал для поэтессы – край детства, юности, куда хочется вернуться хоть ненадолго. Здесь запечатлены определяющие для Татьянической события и встречи личной жизни, которые становятся сюжетами для поэтических текстов и осмысливаются по-новому с высоты прошедшего времени.

Следует отметить во многом народный характер изображения малой Родины в лирике поэтессы, который выражается в мифологизации картин природы, поэтизации родной речи и топонимических названий.

Величие Урала в лирике Татьянической рождается в людях, живущих здесь. Труд – вот то *«надежное слово»*, определяющее жизнь уральцев, их исторические свершения не менее величественны, чем формировавшиеся столетиями горные массивы. Огонь мартенов и доменных печей такой же яркий, как солнце, освещающее родные просторы. Людские судьбы, посвященные строительству будущего, определяют истинный облик Урала, ставшего, как мы знаем, в определенный исторический период *«опорным краем державы»* и остающегося уникальным и сейчас богатством природных ресурсов и масштабами промышленного производства.

В рамках сравнительного исследования особенно важно подчеркнуть, что Людмила Татьяническая – мастер малой лирической формы. Эта черта становится ощутимой в поздней лирике, однако проявляется на протяжении всего поэтического пути. Малый объем текста порождает концентрированность мысли, которая является и определенной чертой выразительности, ведь речь идет о духовно-нравственной проблематике [9].

На Урале всем известны знаменитые строки Татьяничевой о родном крае *«Когда говорят о России, я вижу свой синий Урал...»*, *«Как солнце в драгоценной грани – в Урале Русь отражена»*, однако нельзя заключить творчество поэтессы в рамки лишь региональной литературы. Людмила Татьяничева – значимая творческая индивидуальность в богатом ряду XX века.

ГЛАВА 3. ОБРАЗ УРАЛА В ТВОРЧЕСТВЕ К. В. СКВОРЦОВА

3.1 Урал в судьбе К. В. Скворцова

Русский писатель, поэт, драматург, общественный деятель Константин Васильевич Скворцов родился в Туле 13 апреля 1939 года. В 1941 году семью Скворцовых эвакуировали на Южный Урал, в Златоуст, здесь в 1956 году будущий поэт-драматург окончил школу.

Далее последовало обучение в Челябинском агроинженерном университете по специальности «инженер-механик». В 1975 году писатель окончил Высшие литературные курсы при литературном институте им. М. Горького.

В 60-е годы Константин Скворцов работал механиком совхоза Тувинской АССР, затем Челябинского трубопрокатного завода, где успешно заявил о себе как изобретатель нескольких промышленных технологий.

С 1975 по 1986 год драматург избирался на должность ответственного секретаря Челябинской областной писательской организации Союза писателей России, а с 1986 по 1992 год Скворцов работал секретарём правления Союза писателей СССР.

С 1976 года по данный момент Константин Васильевич является секретарем Правления Союза писателей России.

Первые литературные сборники Скворцова вышли в Южно-Уральском книжном издательстве, это книги «На четырех ветрах» (1966 г.), «Лунная река» (1968 г.), «Стихи. Поэмы» (1970 г.); «Ущелье крылатых коней», «Отечество мы не меняем» (1975 г.); «Алена Арзамасская» (1978 г.).

В 1972 году в Челябинском ТЮЗе состоялась премьера первой театральной постановки по драматическому произведению Константина Скворцова, режиссером выступил Тенгиз Махарадзе.

В разные годы в театрах Челябинска и области состоялись премьеры спектаклей, взявших за основу драмы Скворцова: «Алена Арзамасская», «Кибальчич», «Ментуш», «Легенда о белом дереве», «Западная трибуна», «Пока есть музыка и память», «Бестужев-Марлинский», «Георгий Победоносец», «Иоанн Златоуст», «Царские игры».

Литературная слава Константина Скворцова выходит за пределы страны: курсы по драматической поэзии писателя читаются в некоторых университетах мира (Польша, Лодзь), произведения переведены на многие иностранные языки.

Поэтические строки Константина Скворцова начертаны на Щите и Мече Победы, изготовленных Златоустовскими мастерами в 1995 году и находящимися в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе:

Россияне! Не уроним чести
И плечом к плечу сомкнёмся впредь.
Выстоять дано нам только вместе,
Порознь – только умереть! [14]

Плодотворно сотрудничество драматурга с музыкантами и композиторами. Песни на стихи Константина Скворцова были написаны Е.И. Птичкиным, В. А. Брусом, Ю. М. Клепаловым, Ю. В. Коломниковым, А.С. Днепровым и др. Среди исполнителей – знаменитые Л. Г. Зыкина, И. Д. Кобзон, Т. Ю. Петрова, А. С. Днепров, А. П. Литвиненко, В. Г. Хызыров и др.

Правлением Союза писателей России учреждена ежегодная литературная премия им. К. Скворцова, которая вручается уральским художникам слова.

3.2 «Уралоцентричная» модель мира в поэзии К. В. Скворцова

Урал Константина Васильевича Скворцова представлен в лирике многогранным, особенным краем, точкой отсчета личной истории и

творческой биографии. Исследователи отмечают особую национальную модель мира в «уральских» текстах поэта, которая является мифологичной, этноцентричной и, наконец, «уралоцентричной» (Стрелец Л. И.) [24]. Действительно, пространство родного края предстает местом постижения сути бытия, местом, где лирическому герою открывается Вечность, искусство. Урал – «колыбель», куда снова и снова автор возвращается, здесь мироустройство осмысливается в согласии с философией природы:

Средь гор крылатых Златоуста,

Под синим взглядом Уреньги,

Меня охватывает чувство,

Что наше вечное искусство –

Всего лишь на воде круги...

<...>

Над нами – Бог, пред нами – путь.

И посох мой – любовь и слово.

И я, наивный, верю снова,

Что *Вечность мне открыла суть* (курсив наш. – Ю. А.).

(«Средь гор крылатых Златоуста»)

Мне в мире места нет другого,

Здесь колыбель моя и крест.

Лишь крикну с гребня Откликного,

Всё отзывается окрест (курсив наш. – Ю. А.).

(«Тесьма») [14]

Топонимика Урала представлена в лирике Скворцова очень широко: реки Ай, Тесьма, Юрюзань, Белая, Веселка, горная вершина Иремель, хребты Уреньга и Откликной, село Малояз и многие другие географические объекты. Картины родного края привязаны к конкретным местам и пейзажам, лирическое пространство визуально маркировано.

В изображении «Отчего края» Константина Скворцова следует отметить *мифологизм* на разных уровнях. Во-первых, мифологичны

устойчивые сюжеты в «уральских» текстах: восхождение на горную вершину, полное опасностей и риска («Иремель», «Маяк»), движение по бурной реке на плотах, символизирующее стремительное течение самой жизни («Лемеза», «Журавлиный плес», «Баллада о Белой реке», «Там, на речке...»), путь и поиск по оставленным следам и зарубам дома, родной «избушки», которая скроет от бушующей природы («Берег милый», «Златоустье», «Ранние цветы»). Все эти сюжеты многозначны, символичны и являются почвой для философского осмысления жизненного пути лирического героя и каждого человека вообще:

Когда не ладятся дела,

Судьбу за лихость не суди.

Стерпи обиды удила

И в горы синие уйди.

(«Иремель»)

Мы утром рано под мостом

Плоты изладим, а потом

Под небесами,

Средь гордых скал под шум берез

Вперед – на Журавлиный плес,

По Юрюзани.

(«Журавлиный плес»)

Светлый дом у пруда

На крутом берегу.

Что-то тянет туда,

А войти не могу.

Но влечет за собой

Мной оставленный след,

Будто нет за спиной

Этих прожитых лет.

(«Златоустье») [14]

Во-вторых, в поэтических текстах часто встречаются мифологические, фольклорные, сказочные лексические и фразеологические элементы и образы («за тридевять земель», живая вода), сюжеты («бес начнет кружить меня в пути»). Стихотворение «Три дороги» являет собой сюжет сказочного трехпутья от камня, каждая дорога несет свое значение:

Ведут от камня три дороги
В цветах библейской сон-травы:
Пойти по левой – ждут чертоги,
По правой – не сносить главы.
И путник не играл Судьбою.
С молитвой: – Господи, еси...
Россию заслонив собою,
Шел по прямой на небеси [14].

Богатая своими ресурсами и красотами природа Урала в поэтических текстах Скворцова не просто олицетворена, но и одухотворена. Важно, что пространство родного края у поэта становится настоящим храмом, природа *обожествленной*. Религиозные символы и образы вписаны в картины природы, сама она становится выражением божественной истины. Эта черта прослеживается в большинстве «уральских» текстов Скворцова и является важным элементом в образе родного края:

Здесь всё знакомо нам и *свято*:
Шелом забытых королей,
Нургуш – таинственное плато
Для иноземных кораблей
(«Баллада о золотом корне»)
Вышел на берег я...

И стою, как преступник, с повинной –
Был Березовый омут,
а рядом был омут Змеиный.
В них гляделись *святые*

дерев освещенные лики,
А теперь только пни
да ольхи развороченной пики.
(«Вышел на берег я...»)
Сколько раз мы опять и опять
Рай земной принимались искать.
Мы искали его вдалеке,
А он рядом – на Белой реке.
Тонкий месяц с полярной звездой –
Золотой *минарет* над водой (курсив наш. – Ю. А.).
(«Баллада о Белой реке») [14]

Последний отрывок из стихотворения «Баллада о Белой реке» представляет нам пространство родного края как «*земной рай*», месяц на ночном небе сравнивается с *минаретом* – башней мусульманской мечети, с которой верующие призываются на молитву. Таким образом явлено пантеистическое представление о природе, в которой каждое дерево, водоем, зверь священны.

Для поэтического образа Урала Константина Скворцова характерен пафос *устремленности к небу*, которая становится выражением поэтического дарования, постижения основ человеческого бытия. Эта мысль подтверждается словами самого поэта: «Урал для меня все. Это – язык, рожденный на изломе континентов, с русской грустинкой, башкирской лихостью, украинской напевностью. Это – дороги с мглистыми пнями, сизыми курумниками. *Дорога вверх, к небу...*» (курсив наш. – Ю. А.) [14]. Взгляд лирического героя всегда направлен вверх, потому в облике родного края так много *голубого, синего* цвета – цвета неба:

Крылатые несут нас кони,
А силы кончатся — не стой,
На небо, брат!.. Там наши корни.

И каждый корень — золотой!

(«Баллада о золотом корне»)

Край медвежий — тайга и река,

Берегов *голубые* бока

И магических цапель полёт...

(«Лемеза»)

Где та неба бирюза?

Где озёра, как слеза?

Где вобравшие полмира

Хвойные твои глаза?

(«Там, на речке...»)

Золотая верста.

Конь крылатый над *синей Русью*,

Дорогие места —

Златоустье моё! Златоустье!.. (курсив наш. — Ю. А.)

(«Златоустье») [14]

Устойчивым мотивом цветописи в облике родного края у Константина Скворцова являются *золотые переливы* и оттенки — отражение солнечного и лунного света на поверхности рек и водоемов. Золотой цвет вписан в пантеистическую картину уральской природы подобно отблеску золотых куполов религиозного храма, ведь природные образы у поэта нередко обожествлены. И, наконец, мотив *золотого* цвета осмысливается и в переносном значении слова — *дорогой сердцу*, имеющий особое значение для лирического героя. Кроме того, нам кажется неслучайной переключка этого цвета и названия родного города Скворцова *Златоуста*, образ которого очень часто встречается в лирике поэта и несет особое значение для лирического героя. Таким образом, один цветописный лейтмотив обретает многогранное значение и является неотъемлемо важной чертой поэтического облика одного края:

На лугах сквозь туман голубой

Нам не вспыхнет огнем зверобой.

Нам не пить из ручьев *золотых*,

Мы последними слушаем их.

(«Баллада о Белой реке»)

Золотая верста.

Конь крылатый над синею Русью,

Дорогие места –

Златоустье моё! Златоустье!..

(«Златоустье»)

Сколь дивных мест таят проселки

В своем *убранстве золотом*,

Стоит на берегу Веселки

Накрытый столик за мостом.

(«Веселка»)

Крылатые несут нас кони,

А силы кончатся – не стой,

На небо, брат!.. Там наши корни.

И каждый корень – *золотой!* (курсив наш. – Ю. А.)

(«Баллада о золотом корне») [14]

Выражением устремленности к небу «уральской» лирики поэта становится и обилие небесных образов – *птиц*. В некоторых текстах птица отождествляется с душой лирического героя, парящей в облаках, вознесшейся к небу:

На обелисках – имена.

И в небе – *птица*.

И в небе птица, *как душа*,

Парит над нами, не спеша.

(«Журавлиный плес»)

И, разрезая ветер свежий,

Пронесся *беркут* мимо нас.

Он попадет в капкан медвежий,

Но это после... а сейчас,

<...>

Мы с ним уносимся дозором...

И с поднебесной высоты

Взираем острым птичьим взором

На все распадки и хребты! (курсив наш. – Ю. А.)

(«Баллада о золотом корне») [14]

Горы – многозначный величественный образ в лирике Константина Скворцова; в горах берет начало жизнь вообще, с горных вершин ведет отсчет история древнего Урала. Труднопреодолимая высота и необхватная красота уральских «каменных скал» философски осмысляются лирическим героем. В стихотворении «Эндэ-удэ» название гор и озера истолковывается с обращением к религиозному преданию, что придает особое значение образам:

В санскритах древнего Тибета

Мне вдруг открылось, что вода

И жизнь сама в горах Рифейских

Берут начало... Что тогда,

Задолго до времён библейских,

Здесь процветали города.

Что здесь, водой святой играя,

В себя вбирая звездный рой,

Есть озеро ВОРОТА РАЯ

С одноимённой горой [14].

В стихотворении «Средь гор крылатых Златоуста» к лирическому герою с гор нисходит *женщина*, символизирующая музу, вдохновение, поэтический дар. Таким образом, горы становятся точкой отсчета для творчества лирического героя, источником поэтической мысли, наделенной особой миссией:

Но через миг, а может, век
Осветит молния распятые...
И женщина в мои объятия
Нисходит с гор, как первый снег.
Не надо хлеба нам и крова:
Над нами – Бог, пред нами – путь.
И посох мой – любовь и слово.
И я, наивный, верю снова,
Что Вечность мне открыла суть (курсив наш. – Ю. А.) [14].

Восхождение на горную вершину – один из наиболее частотных сюжетов в текстах, посвященных родному краю; это путь духовного восхождения к самому себе, к Богу, преодоление, прозрение, открытие в себе неба. Часто путь к горной вершине со всей его тяжестью и туманом, заслоняющим порой дорогу вперед, осмысливается как жизненный путь лирического героя.

В стихотворениях «Маяк» и «Иремель» сюжет восхождения на горную вершину сопряжен с мыслью об общности человеческих судеб, которая проявляется в тексте в фигурах обращения и императивных глагольных формах:

Ведь только здесь узнаешь ты,
Себя за трусость невлюбя,
Что постиженье высоты –
Преодоление себя.
(«Иремель»)
Но лезли мы то вкривь, то прямоком.
И всё трудней дышалось с каждым метром...
Не видя солнца над свинцовым ветром,
Ты вдруг сказал: «Я буду маяком!»
(«Маяк»)
В твоих горах начало всех начал,

Там тяжело вздыхает по ночам

Крылатый конь на золотой соломе (курсив наш. – Ю. А.).

(«Златоуст») [14]

Обращения – довольно частый элемент в текстах поэта, посвященных родному краю. Философски осмысляя значение родных мест для человека, божественную сущность природы, лирический герой вступает в *диалог* с читателем, вовлекая его в мифологические странствия по Уралу и созерцание его одухотворенной красоты:

Зачем, *друзья*, на свете я,

Как будто на века?

Из прошлого столетия

Бежит моя река.

Ни облачка, ни шороха,

Куда ни глянь – стога.

Цветущею черёмухой

Залиты берега.

(«Черемуха»)

Это как же понять, *мужики*,

Что по росчерку сильной руки

Юный хвощ и курумник седой

Вдруг исчезнут под черной водой?.. (курсив наш. – Ю. А.)

(«Баллада о Белой реке») [14]

Метафорой жизненного пути человека у Константина Скворцова становятся *уральские реки*, образ которых – древнейший символ. Река – течение времени в неизменном направлении. Время невозможно повернуть вспять. Этот амбивалентный мифологический образ мы находим во многих стихотворениях. Начальный и завершающий этапы человеческой жизни соотнесены с образами «*туманной утренней реки*» и «*вечерней призрачной реки*»:

К туманной утренней реке

Бежали мы – рука в руке.<...>
К вечерней призрачной реке
Иду один я налегке...
(«Во тьме ночной горел огонь...»)
Из прошлого столетия
Бежит *моя река*...
(«Черемуха»)
На плоту, на плоту, на плоту
Мы идем за верстою версту.
Не спеши, друг-товарищ, постой,
Дай вдохнуть этот древний настой.
(«Баллада о Белой реке») [14]

Образы уральских рек несут в лирике Скворцова особое значение для жизни человека. В стихотворении «Лемеза» явлен образ *живой, исцеляющей* воды, дарующей странствующему по бурному, стремительному течению жизни человеку долгожданный покой:

Мы вернёмся, и нас *исцелит*
Мягче шёлка и чище слезы
Золотая вода Лемезы (курсив наш. – Ю. А.) [14].

В стихотворении «Отец» родниковая вода наделяется священными свойствами живой воды, способной вернуть жизненные силы человеку. Мы видим «*седого странника*», молящегося у *святого* колодца. Лирический герой, размышляя о судьбе своего отца и его последнем желании испить *святой* колодезной воды, приходит к мысли, что Россия, подобно его умирающему отцу, в момент «*недавней великой беды*» ждет родниковой воды как возможности обновиться, переродиться, исцелиться:

У околицы *странник седой*,
У колодца святого молясь,
Мне сказал: – Меж людьми и водой
Есть незримая Высшая связь.

Ох, не знаю. И мне, лишь одно
Утешение малое есть,
Что отец не увидел того,
Как поруганы совесть и честь.
Как по небу скатилась слеза,
Оставляя на сердце следы...
Как *Россия*, нам глядя в глаза,
Молча ждет родниковой воды (курсив наш. – Ю. А.) [14].

В стихотворении «Баллада о Громатухе», содержащей отсылку на реальное историческое событие («в 1944 г. было принято постановление Правительства за подписью Сталина «Об укрощении реки Громатухи»), «мятежная река» становится образом, символизирующим судьбу целого народа в круговороте исторических событий. Обращаясь к землякам и к любому читателю, лирический герой дает понять, что воля свободного народа, как и уральская река, неукротима. В этом тексте Громатуха как часть природы Отчего края становится *сердцем* лирического героя:

Ах, земляки мои!
Так же и нас укротили.
Ржавую ложью сковали –
свободы не жди.
И закопали живьем,
и водой окропили
Новых времён эмиссары
и те же вожди.
Только из нас
им не выбить мятежного духа.
Над Уреньгою
висят затяжные дожди...
*Бьётся не сердце уже,
а река Громатуха.*

Скоро мы выйдем из русла.

Не спите, Вожди! (курсив наш. – Ю. А.) [14]

Похожее обращение к укрощенной человеком реке Балашихе мы увидим в стихотворении «Вышел на берег я...». Лирический герой сравнивает свою жизнь с историей «жизни» реки и омутов Березового и Змеинового, когда-то питавших своей «живой» водой здешнюю землю. Теперь на их месте в результате «дел человеческих» лишь пни и «*ольхи развороченной пики*». Так круговорот жизни поступит и с ним, уверен лирический герой, ведь память потомков не сохранила и следа о некогда живых водах родного края:

Вы отдали себя,

а во имя чего, мои речки?

Ваш смертельный порыв

и сегодня остался не понят.

Ну, а внуки мои

даже ваших названий не вспомнят.

Вышел на берег я

и гляжу на дела человечьи –

Мне такая ж судьба

уготована, милые речки [14].

В уральскую поэзию Скворцова вплетены прочными нитями фольклорные образы и сюжеты уральских легенд о происхождении и становлении края: крылатый конь по кличке Златоуст, поделивший землю на два полушария («Златоуст», «Златоустье»); легенда об окаменевшем великане Таганае, имя которого в переводе с башкирского означает «подставка Луны» («Златоустье»); предание о горе Иремель, способной исполнять желания покоривших ее путников («Иремель») и др. Поэт в произведениях создает собственные легенды на основе уральских. Поэтические строки, посвященные родному городу Златоусту, являются тому подтверждением:

Я помню эту притчу наизусть:
Крылатый конь по кличке Златоуст
Копытом стукнул в сладостной истоме...
На Азию с Европою земля
Распалась, иноходца веселя,
И выступили скалы на изломе.

(«Златоуст»)

Золотая верста.

Конь крылатый над синею Русью,
Дорогие места –
Златоустье моё! Златоустье!..

(«Златоустье») [14]

Образ крылатого коня – символ Златоуста, закрепленный на гербе и флаге города. Он был создан Иваном Бушуевым. В стихотворении Скворцова этот образ, несомненно, связан и с уральскими преданиями. Уральские горы нередко именуются Каменным Поясом, который словно перепоясывает Россию и отделяет европейскую часть от азиатской. Такая особенность географического положения легла в основу многих легенд, одна из которых повествует о коне, поделившем землю на два полушария.

В стихотворении «Златоуст» представлен аллегорический сюжет, в котором лирический герой признается, что в смелой юности вырвал «*сизое перо*» у легендарного крылатого коня, пока другие довольствовались лишь оброненными на их пути подковами, но в пору зрелости осознал тяжесть подарка судьбы и надеется вернуть крылатому коню его перо. Подарок мифологического коня – удача, исполнение мечты, которое, очевидно, со временем потребовало своих жертв:

Понес судьбы моей нелегкий груз,
Роняя людям на пути подковы...
А я сказал: «Была, иль не была!»
Рванул перо из сизого крыла.

И я, как все, был смолоду рисковый.

Но наступила зрелости пора.

Я понял тяжесть этого пера,

Ведь если конь сегодня в то же поле

Копытом стукнет, сбруею звеня,

То пополам расколется земля.

Небытие проступит на изломе.

<...>

Но я ещё надеюсь все равно

Вернуть ему железное перо... (курсив наш. – Ю. А.) [14]

В стихотворении «Златоустье» в свернутом до словосочетания виде звучит легенда о Тагане. В переводе с башкирского название национального парка означает «*подставка Луны*». Одна из версий происхождения этого названия гласит, что горы – это окаменевшие великаны. Один из них - отец, который искал своих сыновей. Он окаменел от горя, а на его плечо опустилась Луна, желавшая его утешить. Горькие слезы героя легенды превратились в каменные реки. Потому и стали называть эту гору-великана «Таганаем» – «Лунной подставкой»:

Дни любви сочтены,

Лгать тебе не хочу.

На «подставку Луны»

Мы поставим свечу.

Будет эхом звучать

Голос твой откликной... (курсив наш. – Ю. А.) [14]

Стихотворение созвучно с легендой и сюжетными мотивами разлуки и возвращения лирического героя.

Эпитет «*откликной*» в стихотворении появляется неслучайно, это название одного из хребтов Таганая. Так он был назван, потому что способен отражать семи-, восьмикратное эхо. Таким образом, в ткань текста вплетены две легенды, которые становятся не просто

сюжетообразующими, но и являются основой выразительности стихотворения.

Хребет Откликной упоминается в лирике поэта неоднократно. Например, в стихотворении «Тесьма» появляется образ «гребня», с вершины которого отзывается эхом крик лирического героя:

Мне в мире места нет другого,
Здесь колыбель моя и крест.
Лишь крикну с гребня Откликного,
Всё отзывается окрест [14].

Стихотворение, посвященное Таганаю в его фольклорном образе, содержит философские мотивы: перед нами герой, который ищет свое место в мире, находится в диалоге с мирозданием, со светом и тьмой:

Мне вторят ангелы и бесы.
Но песнь одна едва слышна –
То отзывается из бездны
Моя заблудшая душа [14].

Следует отметить, как трансформируются фольклорные образы и мотивы у Константина Скворцова, встраиваясь в философское рассуждение. Мотивы страха, неуверенности, растерянности выражены эпитетами «дикий край», «заблудшая душа», «гнилая гать». В народной легенде эти ощущения порождены страхом голоса чудовища, обитавшего в горах. У Скворцова же страх испытывает лирический герой, у которого нет ответа на вопрос о собственном предназначении и направлении жизненного пути: «А вдруг душа заглянет молча/ В глаза мои.... куда бежать?»

Стихотворение «Иремель» также ссылается на горную уральскую легенду:

Спасения любой горазд
Искать за тридевять земель...
Ты ж брось в рюкзак, что Бог подаст,

И поднимись на Иремель [14].

Согласно поверью об Иремеле на вершине горы способны исполняться любые желания, путнику нужно поднести дар духам горы. Это предание бытует в устных рассказах и сейчас: Иремель может не пустить человека на свою вершину, не покориться ему.

Влияние фольклорного творчества на лирику Константина Скворцова обнаруживают элементы народной *песенной традиции*, присущие таким текстам, как «Ранние цветы», «Там, на речке...», «Златоустье», «Журавлиный плес», «Баллада о Белой реке», «Три дороги». В каждом из перечисленных текстов есть строфы-куплеты и повторяющиеся строфы-припевы. Например, в стихотворении «Ранние цветы» повторяются следующие строки:

А я смотрю на Уреньгу –
Вершины всё ещё в снегу.
А здесь в долине и в душе
Цветёт черёмуха уже [14].

В основе метафоры заложена *традиционная народная символика* (зацветает дерево – рождается любовь), а именно психологический параллелизм: «*А здесь в долине и в душе цветет черемуха уже*».

Такое приближенное к народной творческой традиции построение поэтического текста делает лирический сюжет и образы понятными и близкими каждому читателю, в чьем сердце песней отзывается образ родного края.

Урал Константина Скворцова – «*долина детства*», юности, молодости лирического героя. И сам родной край и его жители словно не стареют душой. Здесь всегда весна, потому что пространство наполняют аромат цветущей черемухи, подснежники и другие ранние цветы. Поэтому возвращение на родной Урал, в родной Златоуст будоражит в душе автора лучшие воспоминания юности, Отчий край открывает лирическому герою

простые истины и с высоты прожитых лет позволяет рассмотреть иначе события жизни:

Долина детства – город Златоуст.

Твои огни я помню наизусть/

(«Златоуст»)

И почему так тянет нас

В *столицу детства*, в Малояз,

Под скрипы весел?..

(«Журавлиный плес»)

На вздыбленном краю России

Нас красота свела с ума....

И к нам вернулись... нет, не силы –

Вернулась молодость сама.

(«Баллада о золотом корне»)

Стоит в стакане, как в пруду,

На подоконнике *подснежник*.

А я смотрю на Уреньгу –

Вершины всё ещё в снегу.

А здесь в долине и в душе

Цветёт черёмуха уже (курсив наш. – Ю. А.).

(«Ранние цветы») [14]

Выводы по главе 3

Стихотворения Константина Скворцова, посвященные Уралу, создают образ таинственный, загадочный, подобный тому, каким Урал предстает в легендах и преданиях, и одновременно глубоко личный, поскольку каждый образ – это часть мира самого поэта, мира реального, и мира поэтического.

Важно подчеркнуть пантеистический пафос лирики поэта, в которой воссоздается портрет родного края. Природа обожествлена и предстает как

огромный храм под голубым небом. Путник, вошедший в этот храм, ощущает особое взаимодействие с горами, деревьями, реками, птицами, испытывает трепет перед природными образами. Сюжет странствия лирического героя аллегоричен, так как элементы его соотносятся с символами человеческой жизни.

Не менее интересной для интерпретации чертой уральской темы Скворцова является вовлеченность читателя в лирический сюжет. Философски осмысляя значение родных мест для человека, божественную сущность природы, лирический герой вступает в диалог с читателем, вовлекая его в мифологические странствия по Уралу и созерцание его одухотворенной красоты.

Анализ «уральских» стихотворений позволил выделить наиболее частотные природные образы, с помощью которых изображается родной край: реки, горные вершины, деревья, птицы и т.д. Все они несут в себе многомерное философское значение для лирического героя и читателя.

«Уралоцентричная» модель мира становится структурной опорой для образной системы всех стихотворений, взгляд лирического героя неизменно обращен вверх, к небу. Это путь прозрения, познания мира и себя – ключевой сюжет в лирике поэта. Сам Константин Скворцов сказал в одном из интервью: *«Думаю, что жизнь поэта – это процесс самопознания. Мы пытаемся проникнуть в космос, часто не задумываясь, что космос в нас самих. Таинственный и непостижимый»* [14].

Обращение писателя к сокровищницам уральского фольклора – весьма интересное явление, знакомые из устной традиции образы в художественном произведении Скворцова наполняются новым содержанием. Легенды и предания «оживают» в стихотворениях, обретая новый смысл, становятся частью пейзажной и философской лирики.

Знакомство со стихотворениями поэта, посвященными родному краю, дает возможность увидеть удивительно живописный и одухотворенный, обожествленный образ Урала. Любовью к Родине и чувством восхищения

проникнуты все произведения поэта. Особое значение Урала для Константина Скворцова выражено в афористических строках стихотворения «Расскажи мне, земляк...»:

Не может Родина быть малой

С такой великою душой [14].

Важно подчеркнуть, что картины, составляющие портрет Урала в творчестве Скворцова, изображены масштабно. Это всегда широкая панорама края и аллегоричный сюжет. Поэт выступает *эпиком* в изображении родного края, это объясняется спецификой художественного метода Константина Скворцова, который является автором не только лирических произведений, но и прозаических. Также значительное место в творчестве литератора занимает драматургия. В нашем сопоставительном исследовании данное качество является важным для интерпретации различий в художественном изображении Урала Людмилы Татьянической и Константина Скворцова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникновение геопоэтического образа территории связано с концептуализацией, высокой степенью рефлексии, историческим, антропологическим и философско-эстетическим осмыслением какой-либо местности и приобретением ее основными портретными чертами символического значения. Данное культурное явление в первую очередь связано с литературой, т. е. то или иное географическое пространство концептуализируется в прозе, поэзии и драматургии.

Имен художников слова, в чьем творчестве деталь за деталью складывался литературный портрет Урала, очень много. Это и писатели, чья биография тесно связана с нашим регионом: от Дмитрия Мамина-Сибиряка до Павла Бажова; и имена классиков, чья жизнь связана с Уралом лишь в определенном периоде: Алексей Толстой, Борис Пастернак и не только. Нельзя не упомянуть Бориса Ручьева, Алексея Решетова, Виктора Астафьева, Николая Никонова, художественное слово которых определило развитие словесности края в XX столетии. Прозаики Андрей Ромашов, Владислав Крапивин, Алексей Домнин, Виктор Потанин, Александр Филиппович и Александр Чуманов, Рустам Валеев и Иван Уханов, поэты Ксения Некрасова, Майя Никулина, Людмила Татьяничева, Николай Година, Виталий Кальпиди и Юрий Казарин, драматурги Константин Скворцов, Николай Коляда – это, конечно, не полный список литераторов, внесших свои черты в поэтический образ Урала.

Литература об Урале демонстрируют устойчивые черты в геопоэтическом портрете региона: значительная роль народной культуры уральцев, в частности фольклора, который по-особенному осмысляет исторические события и роль в них отдельных лиц; представление о здешнем жителе как о человеке смелом, решительном, готовом трудиться во благо общего преобразования жизни.

Важны не просто картины поистине уникальной природной панорамы, а ее некое созвучие с формированием людских характеров: так же, как горы устремлены ввысь, вперед устремлены и воля, вера уральца, неизменно оптимистичны его взгляды в будущее. Но много внимания уделяется и недрам здешней земли, полной ресурсов, ставших для всего государства в определяющий момент ключевым источником средств борьбы.

В разнородной геопоэтической картине России Урал – край, ассоциирующийся с мифологичными образами *кузницы, сокровищницы*. Такое сочетание порождает своеобразный миф об Урале.

Исследователями отмечается определенное отождествление в сознании людей «каменного» представления об Урале с его культурным образом. Данная ассоциация не вызывает удивления, поскольку Уральские горы действительно уникальны. На их месте когда-то давно находился Рифейский хребет – граница Земли. Теперь здесь проходит граница Европы и Азии. А глубинная потаенность недр земли и человеческих душ делает Урал и вовсе мистическим, потому так много легенд и преданий населяют это пространство.

Особое аксиологическое содержание образа Урала фиксирует уже его история. Независимость, как главная черта здешней жизни, сочетается с глубинной верностью культурным, родовым традициям и непрерывной способностью учиться новому, что обеспечило возможность идти вперед с оптимистическими стремлениями.

Следует отметить, что на рубеже XX и XXI веков появилось много новых произведений, авторы которых обращаются к образу Уралу и обогащают его своими индивидуальными чертами. Это художники-уральцы: екатеринбуржцы Николай Коляда, Борис Рыжий, Анна Матвеева, Игорь Сахновский, пермяки Павел Чечеткин, Алексей Иванов, тюменец Виктор Строгальщиков, южноуральцы Нина Ягодинцева, Вячеслав Моисеев и др. В литературе нового периода так или иначе находит

отражение рубежное состояние, ведь это время коренных общественно-политических и экономических изменений, крушения прежних идеалов и осмысления грядущих перспектив. Однако доминирующие черты в литературном образе Урала остаются прежними.

В данном исследовании мы подробно изучили образ Урала в лирике Людмилы Татьяничевой и Константина Скворцова, чьи строки о родном крае стали настоящими афоризмами. Сравнительная характеристика позволила выявить те общие положения в эстетическом и аксиологическом осмыслении геопоэтического портрета, которые в созвучии с произведениями других русских писателей формируют литературную традицию изображения Урала:

1. Урал – символ *детства, юности, молодости* для лирического героя. Здесь оживают воспоминания и впечатления, родной край неизменно сохранил в чертах своих юношеский трепет и оптимистический взгляд в будущее;

2. *Сюжетная основа* лирических текстов, воссоздающих образ горного края – события, пережитые лично, собственные впечатления. Осмысление их ведет к философским обобщениям, морально-этическим выводам;

3. Для «уральских» текстов характерен *пафос устремленности вверх*. Движение ввысь по вертикали бытия понимается как выражение поэтического дара, постижение сути человеческой жизни;

4. Образы и сюжеты уральского *фольклора*, элементы народной речи – неотъемлемая часть произведений, как и культурного сознания и идентичности уральцев;

5. Широкое использование *топонимических названий*. Эта по происхождению своему истинно народная лексика для художника слова не менее образна и поэтична;

6. Природа родного края предстает *одухотворенной, обожествленной*, картины ее становятся основой философской лирики;

7. *Мифологичность* изображения Урала, природных образов, осмысления событий;

8. *Этноцентричность*, «уралоцентричность» художественной модели мира.

Таковы устойчивые черты изображения Урала от частного к сущностному. Однако исследование, безусловно, не оставляет без внимания индивидуально-авторские приемы изображения Урала в лирике поэта и поэтессы.

Важнейшее отличие художественных методов Татьяничевой и Скворцова заключается в специфике их творчества вообще. Людмила Татьяничева – *мастер малой формы*. Ее лирические миниатюры концентрированно представляют вопросы морально-этической проблематики, потому они очень выразительны и часто носят афористичный характер. Константин Скворцов – *эпик, драматург*, для его поэзии характерны эпическая масштабность изображенной картины, сюжетные линии. Данное свойство проявляется уже на уровне объема текста.

Величие Урала в лирике Татьяничевой рождается в людях, живущих здесь. *Труд* – вот то «*надежное слово*», определяющее жизнь уральцев, их исторические свершения не менее величественны, чем формировавшиеся столетиями горные массивы.

Яркой особенностью Урала поэтессы также является *сплетение амбивалентных природных образов с конкретными, урбанистическими* – символами нового времени. Огонь мартенов и доменных печей такой же яркий, как солнце, освещающее родные просторы. Людские судьбы, вовлеченные в строительство будущего, определяют истинный облик Урала, ставшего, как мы знаем, в определенный исторический период «*опорным краем державы*» и остающегося уникальным и сейчас богатством природных ресурсов и масштабами промышленного производства.

В характеристике Урала Константина Скворцова важно подчеркнуть *пантеистический пафос* в изображении родного края. Природа обожествлена и предстает как огромный храм под голубым небом. Путник, вошедший в этот храм, ощущает особое взаимодействие с горами, деревьями, реками, птицами, испытывает трепет перед природными образами. Сюжет странствия лирического героя аллегоричен, так как элементы его соотносятся с символами человеческой жизни.

Не менее интересной для интерпретации чертой уральской темы Скворцова является *вовлеченность читателя* в лирический сюжет. Философски осмысляя значение родных мест для человека, божественную сущность природы, лирический герой вступает в диалог с читателем, вовлекая его в мифологические странствия по Уралу и созерцание его одухотворенной красоты.

Изучение литературы о родном крае формирует в каждом из нас осознание культурной и гражданской идентичности. Художники-земляки своим поэтическим словом обогащают наше представление о родной природе, истории, о нас самих. Особенно важен этот процесс для подрастающего поколения. Где, как не в школе, ребенку следует начать знакомиться с литературой, которая насыщает читателя чувством любви и гордости за свой край, патриотическим трепетом? Материал настоящего исследования может послужить отправной точкой для формирования педагогом концептуальной стратегии изучения региональной литературы как в рамках основной школьной программы, так и для внеклассной работы с учащимися.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашев В. В. Литература и география. Урал в геопоэтике России / В. В. Абашев, М. П. Абашева // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literatura-i-geografiya-ural-v-geopoetike-rossii/viewer> (дата обращения: 12.01.2020).
2. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Москва : Direkt-Media, 2014. – 27 с. – ISBN 978-5-4475-0441-0.
3. Аннинский Л. А. Уральский характер / Л. А. Аннинский // Родина. – 2001. – № 11. – С. 167.
4. Блажес В. В. К читателю / В. В. Блажес, М. А. Литовская // Бажовская энциклопедия / ред.-сост.: В. В. Блажес, М. А. Литовская. – Екатеринбург : Сократ, 2007. – С. 5. – ISBN 978-5-88664-257-9.
5. Васильев И. Е. Между двумя революциями (Поэзия Урала в 1917 году) / И. Е. Васильев // Литература Урала: История и современность: сборник статей / Российская акад. наук, Уральское отд-ние, Ин-т истории и археологии, Объед. музей писателей Урала; отв. ред.: Е. К. Созина. – Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2007 – С. 33–34. – ISBN 978-5-91273-006-1.
6. Гальцева Л. П. «Свой край полюбив навсегда» / Л. П. Гальцева // Каменный пояс: лит.-худож. и обществ.-полит. сб. / редкол.: А. М. Горбачев (отв. ред.) и др. – Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 1987. – С. 226–233.
7. Кириллова И. А. Легенды Южного Урала / И. А. Кириллова. – Челябинск : Аркаим, 2009. – 208 с. – ISBN 978-5-8029-2430-3.
8. Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 1. Рассказы, очерки 1881-1884 гг. / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Москва : Правда, 1958. – 124 с.

9. Маркова Т. Н. Жанровая и стилевая палитра поздней лирики Л. Татьяничевой (к 100-летию со дня рождения поэтессы) / Т. Н. Маркова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2015. – № 6. – С. 169–172.
10. Маркова Т. Н. Павел Бажов в творческой судьбе Л. Татьяничевой (К 100-летию со дня рождения поэтессы) / Т. Н. Маркова // Уральский филологический вестник. – 2015. – № 2. – С. 158–174.
11. Маркова Т. Н. Песня об Урале: Очерк творчества Людмилы Татьяничевой / Т. Н. Маркова. – Челябинск : Издательство «Энциклопедия», 2015. – 173 с. – ISBN 978-5-91274-047.
12. Маркова Т. Н. Уральский характер в поэзии Людмилы Татьяничевой / Т. Н. Маркова // Лирика / Л. К. Татьяничева. – Челябинск : Энциклопедия, 2015. – С. 6–16. – ISBN 978-5-91274-269-9.
13. Образ Урала в документах и литературных произведениях (на материале XX века) / сост. Е. С. Зашихин. – Екатеринбург : Издательство «Сократ», 2008. – 376 с. + 16 с. ил. – ISBN 978-5-88664-319-0.
14. Официальный сайт писателя, поэта, драматурга Константина Васильевича Скворцова : официальный сайт. – Москва, 2010. – URL: <http://skvortsov.ru> (дата обращения: 10.09.2019).
15. Пастернак Е. В. Переписка Бориса Пастернака / Е. В. Пастернак, Е. Б. Пастернак. – Москва : Художественная литература, 1990. – 578 с. – ISBN 5-280-01597-0.
16. Сид И. История понятия «геопоэтика» / И. Сид // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2015. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-ponyatiya-georoetika> (дата обращения: 06.01.2020).
17. Скворцов К. В. Берег милый: лирика / К. В. Скворцов. – Челябинск : Взгляд, 2003. – 444 с. – ISBN 5-93946-039-9.

18. Славникова О. А. 2017: Роман / О. А. Славникова. – Москва : Вагриус, 2007. – 543 с. – ISBN 978-5-9697-0365-0.
19. Слобожанинова Л. М. Мамин, которого знаем мало / Л. М. Слобожанинова // Поздняя проза. Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Екатеринбург : Сократ, 2008. – С. 7. – ISBN 978-5-88664-314-15.
20. Сорокин В. В. Красивая и строгая / В. В. Сорокин // Благодарение. Поэт о поэтах. Портреты писателей, очерки, литературная критика / В. В. Сорокин. – Москва : Современник, 1986. – 302 с.
21. Стрелец Л. И. Вселенная Константина Скворцова / Л. И. Стрелец // Официальный сайт писателя, поэта, драматурга Константина Васильевича Скворцова: [сайт]. – 2019. – URL: <http://skvortsov.k.ru/stati-i-otzivy/vselennaya-konstantina-skvortsova/> (дата обращения: 21.09.2019).
22. Стрелец Л. И. Мотив лицедейства в творчестве К. Скворцова / Л. И. Стрелец // Официальный сайт писателя, поэта, драматурга Константина Васильевича Скворцова: [сайт]. – 2014. – URL: <http://skvortsov.k.ru/stati-i-otzivy/motiv-litsedejstva-v-tvorchestve-k-skvortsova/> (дата обращения: 26.09.2019).
23. Стрелец Л. И. Оппозиция живое/мертвое в пьесах К. Скворцова / Л. И. Стрелец // Официальный сайт писателя, поэта, драматурга Константина Васильевича Скворцова: [сайт]. – 2014. – URL: <http://skvortsov.k.ru/stati-i-otzivy/oppozitsiya-zhivoe-myortvoe-v-pesah-k-skvortsova/> (дата обращения: 03.08.2019).
24. Стрелец Л. И. Русский мир Константина Скворцова / Л. И. Стрелец // Официальный сайт писателя, поэта, драматурга Константина Васильевича Скворцова: [сайт]. – 2014. – URL: <http://skvortsov.k.ru/stati-i-otzivy/russkij-mir-konstantina-skvortsova/> (дата обращения: 25.09.2019).

25. Татьяначева Л. К. Мне бы только успеть... Письма и дневники / Л. К. Татьяначева. – Москва : Русская книга, 2002. – 464 с. – ISBN 5-268-00425-5.
26. Татьяначева Л. К. Будьте добры. Стихи разных лет. Воспоминания современников / Л. К. Татьяначева. – Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 2000. – 312 с.
27. Татьяначева Л. К. Верность / сост. Э. Я. Смелянская, Ю. Н. Смелянский. – Москва : Русская книга, 2005. – 560 с. – ISBN 5-268-00547-2.
28. Татьяначева Л. К. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. Стихи о творчестве, труде и любви / Л. К. Татьяначева. – Москва : Художественная литература, 1976. – 328 с.
29. Татьяначева Л. К. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. Стихи о родной природе, Урале и России / Л. К. Татьяначева. – Москва : Художественная литература, 1976. – 352 с.
30. Татьяначева Л. К. Калитка в лес осенний: книга новых стихов / Л. К. Татьяначева. – Москва : Советский писатель, 1979. – 248 с.
31. Татьяначева Л. К. Коротко о себе / Л. К. Татьяначева // Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. Стихотворения 1977-1980 гг. Проза 1952-1980 гг. / Л. К. Татьяначева. – Москва : Художественная литература, 1986. – С. 387–391.
32. Татьяначева Л. К. Лирика / Л. К. Татьяначева. – Челябинск : Энциклопедия, 2015. – 68 с. – ISBN 978-5-91274-269-9.
33. Твардовский А. Т. За далью – даль / А. Т. Твардовский // Электронная библиотека «Литмир»: [сайт]. – 2011. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=137969&p=1> (дата обращения: 02.02.2020)
34. Федоров В. Д. Дочь Урала: судьба и творчество Людмилы Татьяничевой / В. Д. Федоров // Наш современник. – 1982. – № 10. – С. 164–172.

35. Ханбеков Л. В. Судьба – это мы. Очерк творчества поэтессы Л.К. Татьяничей / Л. В. Ханбеков. – Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 1984. – 144 с.
36. Харитонов Д. В. Свет звезды по имени Людмила Татьяничева: к 85-летию со дня рождения / Д. В. Харитонов // Вестник Челябинского университета. – 2001. – № 1. – С. 110–114.
37. Цветаева М. И. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы / М. И. Цветаева. – Москва : Эллис Лак, 1994. – С. 377. – ISBN 5-7195-0019-7.
38. Южный Урал: хрестоматия, 10-11 кл.: учеб. пособие / сост.: Т. Н. Крохалева, Т. В. Соловьева, Л. И. Стрелец. – Челябинск : Взгляд, 2004. – 447 с. – ISBN 5-93946-044-5.
39. Ягодинцева Н. В. Судьба и творчество Людмилы Татьяничей. К 90-летию / Н. В. Ягодинцева // Урал. – 2005. – № 12. – С. 64–68.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Методическая разработка занятия по творчеству Л. К. Татьяничевой

Методическая часть данного исследования содержит поурочные разработки элективных занятий по творчеству Л. К. Татьяничевой и К. В. Скворцова соответственно.

Творчество Л. К. Татьяничевой (1 час)

Планируемые результаты:

1. *Предметные:*

1.1. Реализация регионального компонента учебного плана по литературе;

1.2. Получение навыков анализа поэтического текста;

1.3. Расширение читательского кругозора учащихся.

2. *Метапредметные:*

2.1. Регулятивные УУД: ставить учебную задачу, планировать свои действия в соответствии с поставленной задачей, контролировать способ действия и его результат в соответствии с заданным эталоном, оценивать, что уже усвоено и что еще подлежит усвоению;

2.2. Познавательные УУД: анализировать, сравнивать литературный материал, обобщать результаты анализа;

2.3. Коммуникативные УУД: владеть монологической и диалогической формами речи в соответствии с нормами литературной речи, аргументировать свою точку зрения, объяснять содержание совершаемых действий, с помощью вопросов добывать недостающую информацию, слушать и слышать друг друга.

Оборудование: мультимедийное оборудование, презентация, раздаточный материал.

Ход урока

1. Вступительное слово учителя с элементами беседы

– Здравствуйте, ребята. Сегодняшнее занятие я хотела бы начать с прочтения замечательных строк о нашем родном крае.

Выразительное чтение учителя:

Живу я в глубине России,
В краю озёр и рудных скал.
Здесь реки – сини,
Горы – сини,
И в синих отсветах металл.
По красоте,
По скрытой силе
Мне не с чем мой Урал сравнить.
Иной здесь видится Россия.
Суровой,
Строже, может быть.
А может здесь она моложе...
Свежей тут времени рубеж.
Но сердце русское –
Всё то же.
И доброта.
И песни те ж!
И лица те же, что в Рязани,
И так же звучны имена.
Как солнце в драгоценной грани –
В Урале Русь отражена [29].

– Быть может, вам знакомы эти строки, ребята?

– Это стихотворение принадлежит перу Людмилы Константиновны Татьяничевой (1915-1980 гг.). Наверняка, вам знакомо это имя. Что вы знаете о поэтессе? (в мультимедийной презентации продемонстрировать учащимся портрет – рисунок 1)

Популярность стихов Людмилы Татьяничевой на Урале повсеместна, некоторые из них давно стали хрестоматийными.

Часто цитируются строки из стихотворения поэтессы «Урал»: «Когда говорят о России, Я вижу свой синий Урал». Однако такая хрестоматийность не должна пониматься как признак творчества исключительно регионального художника. В лучших своих произведениях Людмила Татьяничева достигла подлинных высот поэтического мастерства. Поэтесса стоит в ряду самых ярких литераторов 20 века.

Рисунок 1 – Портрет Л. К. Татьяничевой

– Именем Людмилы Татьяничевой в нашем городе названы несколько объектов. Сможете ли вы сказать, о каких точках идет речь?

– В Челябинске есть улица Татьяничевой (рисунок 3), библиотека имени Людмилы Константиновны (рисунок 4), а так же мемориальная доска на доме (рисунок 2), где находилась ее квартира (улица Сони Кривой).

Рисунок 2 – Мемориальная доска на доме, где жила и работала Татъяничева

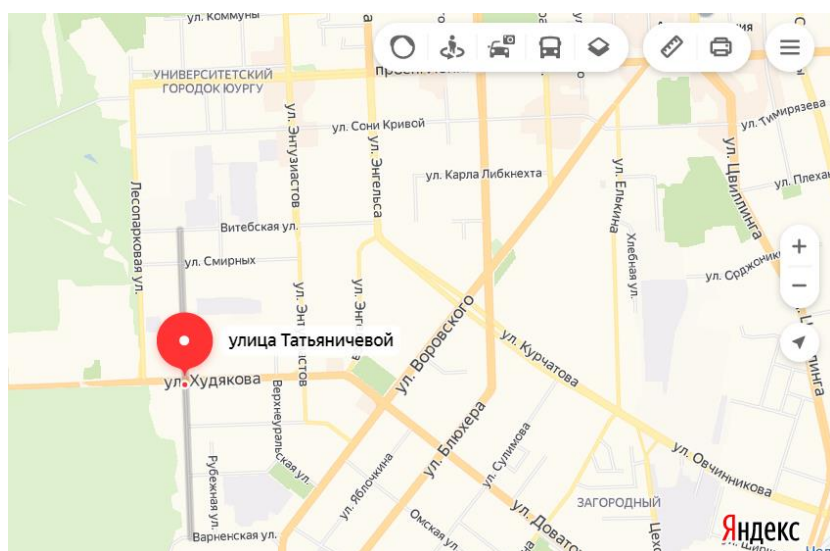

Рисунок 3 – Улица Татъяничевой на карте Челябинска

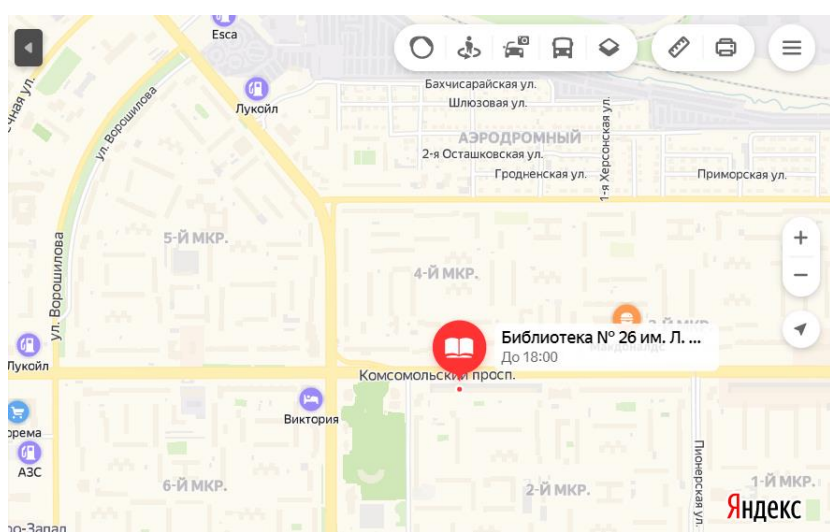

Рисунок 4 – Библиотека им. Л. Татъяничевой на карте Челябинска

– Кроме того, в нашем краеведческом музее есть постоянная выставка, посвященная творческому наследию Людмилы Константиновны.

2. Слово о биографии поэтессы

– Людмила Татьяничева родилась в Мордовии. Рано оставшись сиротой, она была взята на воспитание дальними родственниками, в семью преподавателей Кожевниковых. В Свердловске окончила школу и уже поступила на рабфак института цветных металлов, когда романтика комсомольской стройки позвала 19-летнюю девушку в дорогу.

Так в жизни Татьяничевой возник Магнитогорск (знаменитая «Магнитка»), откуда ведет свой отсчет поэтическая биография Людмилы Константиновны. Полуголодные сиротские годы, метущиеся лета юности, суровые перевалы войны – условия, в которых формировался характер, собранный, строгий, цельный.

На долю поколения, к которому принадлежит Людмила Татьяничева, выпало немало испытаний. Опыт собственной судьбы поэтесса не отделяет от опыта жизни всей страны. Это придает ее стихам безыскусную искренность и достоверность:

Я рыла доты,
Строила заводы
И в зелень одевала пустыри.
С народом вместе прожитые годы
За мною встали,
Как богатыри [29].

В стихах Татьяничевой запечатлены многие черты сурового тыла Великой Отечественной войны. Описание реалий тяжелого, горького быта венчается эмоциональным, аллегорическим обобщением:

Из гнева плавился металл,
А слезы превращались в порох [29].

Собственные наблюдения, впечатления от жизни в лирике Татьяничевой становятся основой для философских обобщений. Поэтесса

– мастер лирической миниатюры. Ее стихам присуща концентрированность мысли, афористичность, особая выразительность:

Не для себя деревья плодоносят.
И реки чистых вод своих не пьют.
Не просят хлеба для себя колосья.
Дома не для себя хранят уют...
Себя мы с ними сравнивать не будем,
но каждый знает, эту жизнь любя...
Что, чем щедрее отдаёшь ты людям,
тем радостней живешь и для себя! [29]

В лирических размышлениях Татьянической есть аллегоричные полярные образы: рассвет, светлый мир юности, начала пути и «огненная черта тревожного заката». Мудрое и мужественное стихотворение «Междузорье» несёт утверждение мысли о том, как трудно, но необходимо сохранить стремление в лучезарную высь, пронести от зари до заката высокие помыслы и чувства:

В междузорье вмещается день.
В междузорье вмещается ночь.
Я искала траву одолень,
Чтобы утру
Родиться помочь...
Поняла я, –
Ты тоже пойми,
Глядя в эту рассветную высь,
Что не только все ночи
И дни,
В междузорье
Вмещается жизнь [29].

– Именно так проявляется характер лирической героини, мужественный, негибемый, самой природой сурового горного края

наученный противостоять несчастьям. Горно-таежная уральская земля наплатала поэзию Людмилы Татьяничевой строгой красотой и силой, одарила неповторимыми красками.

3. Групповая работа учащихся

– Сегодня, ребята, я предлагаю вам рассмотреть несколько знаковых стихотворений Людмилы Татьяничевой, прочесть их выразительно и, ответив на вопросы, раскрыть художественные особенности лирических текстов поэтессы. Мы поработаем в группах. Каждой группе достаются тексты и вопросы к ним. Ваша задача – внутри объединения подготовить выразительное чтение текстов (1-2 человека) и устный связный ответ на вопросы.

Группа 1

Стихотворения:

Лирическое завещание

На Урал моё сердце летело.

Пусть Урал его сохранит.

Выньте сердце моё из тела,

Положите в гранит.

Иль укройте в утёсе рудном,

Над тропой,

На самом краю.

Ведь исполнить не очень трудно

Эту просьбу мою.

Если ж трудно –

Не буду в обиде.

Вам, конечно, видней.

Что ж, тогда его схороните

Под сосной,

Меж корней.

Той, что в детстве

В окошко глядела
По ночам,
По утрам.
На Урал моё сердце летело,
Пусть останется там!

1974

К названьям рек,
Коротким словно вскрик,
Мой слух ещё в младенчестве приник.
Зелёная шальная речка Ай
Задорно мне кричала:
– Догоняй! –
Башкирской речи солнечную грань
Хранит в своём теченье Юрюзань.
Как звон струи,
Как влажное буль-буль
Озёра Иссык-Куль
И Чебаркуль.
Клич беркутов,
Взлетающих с горы.
Мне слышится в названье
Ай-Дарлы.
И кажется, что сам собой возник
Поэзии отзывчивый язык [29].

Задание:

- 1) как называются в литературных текстах названия географических объектов? (*топонимы*)
- 2) охарактеризуйте образ Урала в первом стихотворении: какие эмоции, чувства испытывает к нему лирическая героиня?

3) какова тема второго стихотворения? Найдите в тексте смыслообразующие строки, главное умозаключение.

4) какими качествами наделяются названия уральских мест во втором стихотворении?

– В стихах Татьяничевой широко представлена топонимика Урала: озеро Кисегач, Чебаркуль, хребет Таганай, Откликной, Ай-Дарлы, реки Юрюзань, Ай. В подавляющем большинстве это слова башкирского происхождения. Стихотворение «*К названьям рек...*» являет нам поэзию звучащей народной речи.

«*Нет для песен погашенных слов*» [26] – поэтесса сознательно использует образную выразительность народной речи.

Группа 2

Мастерство

Я училась детали
Точить на станке.
Стружки руку клевали,
Прикипали к щеке.
Вырывалась, шипела
Норовистая сталь
И никак не хотела
Превращаться в деталь.
Вместо доброй удачи
То поломка,
То брак.
Шла со смены я, пряча
Свои слёзы в кулак.
Говорил каждый день мне
Мастер точных работ:
– Было б, дочка, раденье,
А уменье придёт.

Но потом услышала
Я другие слова:
– Нет, умения мало, –
Достигай мастерства!
День и ночь –
Не посменно –
Лишь тем и живу,
Что стремлюсь неизменно
К мастерству,
К мастерству!
Ну, а если удача
Не даётся никак,
Я, как в юности, прячу
Свои слёзы в кулак.

Когда ты больше рисковал:

Когда бил зверя наповал
Или гонял в ночи глухой
За ускользящей строкой?
Когда ты больше уставал:
Ведя тяжелый самосвал
Иль нянча на руках своих
Неделями! –

Единый стих? [29]

Задание:

- 1) сформулируйте: чем является труд для лирической героини в стихотворении «Мастерство»? Как осмысливается труд?
- 2) как вы понимаете: в чем разница «уменья» и «мастерства» в контексте первого стихотворения?

3) какие понятия сопоставляются во втором стихотворении? Проанализируйте вопросительные предложения – что за прием использован автором?

– Труд в творчестве Татьяничевой понимается как категория духовно-нравственная. Труд осмысливается как смысл жизни, как облагораживающая душу человека деятельность.

У Татьяничевой представлена широкая и актуальная проблема: взаимосвязь труда и созидания нравственных ценностей (как Прекрасное и путь его достижения).

Характерный для поэзии Людмилы Константиновны мотив – сопоставление труда-мастерства и труда-искусства. Такой прием призван передать сложность и ответственность самого процесса и результатов творчества. Сравнение поэтического и рабочего труда утверждает общественно-активную, гражданскую функцию поэзии.

Группа 3

Гордые

Гордым легче – гордые не плачут,
Ни от ран, ни от душевной боли.
На чужих дорогах не маячат,
О любви, как нищие, не молят.

Широко расправлены их плечи,
Не гнетёт их зависти короста...
Это правда – гордым в жизни легче.
Только гордым сделаться не просто.

Гордым легче – гордые не плачут...
Лишь порой в подушку по ночам
Скрежет боли и слезу запрячут...
И порой рыдают по ночам...

А ещё бывает очень часто
Плачут кровью, телом и душой...
Гордым не становятся от счастья...
Гордость – это страх за свой покой...

Гордым легче, гордые не плачут,
На чужих дорогах не стоят,
О любви, как нищие не молят
И не возвращаются назад.

Гордых бьют, но гордые не плачут,
Только вы не верьте, что им легче.
Сильным духом жить нельзя иначе,
Груз забот, как небосвод на плечи...

Кто сказал, что в жизни гордым легче?
Смелым быть – погибнуть первым значит!
Честь и благородство в грозной сечи –
Живота лишиться иль удачи...

Гордые не плачут словно дети,
Слезы в сердце ото всех скрывают.
Гордым тяжелее всех на свете!
Только этого никто не знает... [29]

Задание:

- 1) подберите синоним к слову «гордые» в контексте этого стихотворения.
- 2) найдите антонимичные строки в стихотворении (строфы 2 и 8), являющие антитезу. В чем смысл применения этого приема?

3) какие строки стихотворения вы бы выделили как ключевые, самые главные, заключающие в себе самое важное?

4. Выразительное чтение текстов учащимися и коллективное обсуждение вопросов

5. Рефлексия

– В конце сегодняшнего занятия я хотела бы привести еще одно высказывание Людмилы Татьяничевой. Послушайте внимательно, и письменно ответьте на вопрос: каково значение Родины для художника слова? (4-5 предложений)

«Вне Отчизны поэзии нет и не может быть, как не может быть плодоносящей ветви без дерева, а дерева без объемлющих землю корней. Тему Родины, России, место уральского Синегорья всегда считала для себя главной, неотрывной от собственной судьбы, от жизни своей души»
[31].

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Методическая разработка занятия по творчеству К. В. Скворцова

Писатель, поэт и драматург Константин Скворцов (1 час)

Планируемые результаты:

1. *Предметные:*

1.1. Реализация регионального компонента учебного плана по литературе;

1.2. Получение навыков анализа поэтического текста;

1.3. Расширение читательского кругозора учащихся.

2. *Метапредметные:*

2.1. Регулятивные УУД: ставить учебную задачу, планировать свои действия в соответствии с поставленной задачей, контролировать способ действия и его результат в соответствии с заданным эталоном, оценивать, что уже усвоено и что еще подлежит усвоению;

2.2. Познавательные УУД: анализировать, сравнивать литературный материал, обобщать результаты анализа;

2.3. Коммуникативные УУД: владеть монологической и диалогической формами речи в соответствии с нормами литературной речи, аргументировать свою точку зрения, объяснять содержание совершаемых действий, с помощью вопросов добывать недостающую информацию, слушать и слышать друг друга.

Оборудование: раздаточный материал, мультимедийное оборудование, презентация.

Ход урока

1. Вступительное слово учителя

– Сегодняшнее занятие, ребята, я хочу начать с выразительного чтения стихотворения. Послушайте текст внимательно.

Выразительное чтение учителя:

«Сонет доступен только мастерам»,

Учили нас в литературной школе.
Но если кровью он течет с пера,
Освобождая от великой боли, –

Как не рискнуть! Чуть дальше, чем вчера,
Вкусил я унижения и славы,
Теперь они явились для расправы
И громогласно требуют: пора!

Душа моя, я знаю, не черства.
Я презираю праздное искусство.
И, стискивая голову до хруста,

Ищу не слово – жажду естества.
Поэт тогда достигнет мастерства,
Когда постигнет в совершенстве Чувство!.. [14]

– Как вы считаете, какова ключевая мысль стихотворения?

– Давайте определим тему лирического текста. О чем оно? (*тема поэта и поэзии*)

– Вспомните русских поэтов, в чьих стихотворениях мы находили рассуждения о назначении поэта и сути поэтического искусства.

– Прозвучавшее стихотворение принадлежит перу писателя, поэта и драматурга Константина Скворцова, нашего земляка (в мультимедийной презентации продемонстрировать учащимся портреты писателя – рисунки 5 и 6). Это 90-й сонет – часть «Венка сонетов» под названием «Имена». Сегодня я предлагаю вам погрузиться в творчество Константина Скворцова и, рассмотрев стихотворения, понять, что же значит «постигнуть в совершенстве Чувство».

2. Слово о писателе

– «Самый поэтический драматург, самый драматичный поэт», – так писали о Константине Скворцове в периодике в начале 2000-х гг. [14]. Поэт родился 13 апреля 1939 году в Туле, в 1941 году семья Скворцовых была эвакуирована в Златоуст. Этот город стал Родиной драматурга, образ его горячо любим и поэтизирован в лирике Скворцова.

Рисунок 5 – Константин Скворцов

В Златоусте происходило становление поэтического дарования Константина Скворцова. По окончании школы он поступает в Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства, хотя мечтал о театральном искусстве.

«Златоуст – понятие не только географическое, но и нравственное...» [14] – патриотическое чувство поэта найдет выражение в стихах, посвященных родному городу.

Знаменит Константин Васильевич Скворцов в истории русской литературы тем, что входит в энциклопедическую тройку поэтов, которые пишут свои драматургические произведения только в стихотворной форме. Константин Васильевич продолжил традиции Александра Сергеевича Пушкина, Алексея Толстого («Царь Фёдор»), Александра Сергеевича Грибоедова и Михаила Юрьевича Лермонтова. И в XX веке ему не было равных: он написал два десятка пьес, и почти все они, кроме новых, поставлены на театральных сценах России.

Следует отметить, что литературное признание нашего земляка Константина Скворцова давно вышло за пределы России: курсы по драматической поэзии писателя читаются в некоторых университетах мира (Польша, Лодзь), произведения переведены на многие иностранные языки.

Рисунок 6 – В 2019 г. Константин Скворцов отметил 80-летие

Сегодня я предлагаю вам познакомиться с несколькими знаковыми текстами Константина Скворцова и проанализировать их. Мы будем работать по группам.

Каждая группа получает свое стихотворение и задания к нему. За время самостоятельной работы в объединении необходимо подготовить выразительное чтение текста, а также устный ответ на вопросы. После мы в формате круглого стола обсудить стихотворения.

3. Групповая работа учащихся

Группа 1

Златоуст

Я помню эту притчу наизусть:

Крылатый конь по кличке Златоуст

Копытом стукнул в сладостной истоме...

На Азию с Европою земля

Распалась, иноходца веселя,

И выступили скалы на изломе.

Долина детства – город Златоуст.

Твои огни я помню наизусть.

Здесь ждут меня с друзьями в старом доме.

В твоих горах начало всех начал,

Там тяжело вздыхает по ночам

Крылатый конь на золотой соломе.

Крылатый конь по кличке Златоуст

Понес судьбы моей нелегкий груз,

Роняя людям на пути подковы...

А я сказал: «Была, иль не была!»

Рванул перо из сизого крыла.

И я, как все, был смолоду рисковый.

Но наступила зрелости пора.

Я понял тяжесть этого пера,

Ведь если конь сегодня в то же поле

Копытом стукнет, сбруею звеня,

То пополам расколется земля.

Небытие проступит на изломе.

И я давно не верю в чудеса.

Я знаю, не попросит конь овса.

И никогда мне в детство не вернуться...

Но я ещё надеюсь все равно

Вернуть ему железное перо...

Но конь высок, и мне не дотянуться.

Долина детства – город Златоуст.
Твои огни я помню наизусть.
Здесь ждут меня с друзьями в старом доме.
В твоих горах начало всех начал,
Там тяжело вздыхает по ночам
Крылатый конь на золотой соломе [14].

Задания:

1) какая легенда лежит в основе сюжета стихотворения?
(уральская легенда о крылатом коне, который, стукнув копытом, поделил землю на две части)

2) обратите внимание на сюжет: в чем заключена особая связь образа крылатого коня и лирического героя? Каково значение образа выдернутого на удачу «сизого пера»?

3) обратите внимание на повторяющиеся строфы: о чем говорит такое построение лирического текста? Что оно вам напоминает? *(черты песенной традиции; народная песня – фольклорная форма осмысления бытия, близкая поэту)*

– Образ крылатого коня – символ Златоуста, закрепленный на гербе и флаге города. Он был создан Иваном Бушуевым. В стихотворении Скворцова этот образ, несомненно, связан и с уральскими преданиями. Уральские горы нередко именуются Каменным Поясом, который словно перепоясывает Россию и отделяет европейскую часть от азиатской. Такая особенность географического положения легла в основу многих легенд, одна из которых повествует о коне, поделившем землю на два полушария.

В стихотворении «Златоуст» представлен аллегорический сюжет, в котором лирический герой признается, что в смелой юности вырвал «сизое перо» у легендарного крылатого коня, пока другие довольствовались лишь оброненными на их пути подковами, но в пору зрелости осознал тяжесть подарка судьбы и надеется вернуть крылатому коню его перо. Подарок

мифологического коня – удача, исполнение мечты, которое, очевидно, со временем потребовало своих жертв.

Группа 2

Иремель

И. Ишмухаметову
Когда не ладятся дела,
Судьбу за лихость не суди.
Стерпи обиды удила
И в горы синие уйди.

Спасения любой горазд
Искать за тридевять земель...
Ты ж брось в рюкзак, что Бог подаст,
И поднимись на Иремель.

Давно наверх ушли друзья,
В траве оставив росный след.
А нам карабкаться скользя,
Когда опоры рядом нет.

И ветра жгучая рука
Грозит сорвать нас со скалы
И бросить вниз на облака,
Где ад крошечный да орлы.

Встречал приветливый Эльбрус,
Ласкал снегами Эверест.
Но нам с тобою, брат Ильдус,
Дороже нет родимых мест.

Ведь только здесь узнаешь ты,
Себя за трусость невзлюбя,
Что постиженье высоты –
Преодоление себя [14].

Задания:

- 1) что вы знаете о горной вершине Иремель?
- 2) как осмысливается поэтом сюжет восхождения на вершину горы?

Что он символизирует? (*восхождение на горную вершину – проверка на прочность собственного духа, преодоление себя; это аллегорическое действие, которое может пониматься как жизненный путь человека вообще*)

3) обратите внимание на грамматическую форму глаголов в стихотворении, на местоимения. Как читатель взаимодействует с лирическим героем? Какое ощущение достигается таким путем? (*Читатель вовлечен в лирический сюжет; лирический герой говорит с ним, как с давним другом; кроме того, звучит мысль об общности человеческих жизней на непростом жизненном пути*)

4) как вы думаете, почему «родимые места» сравниваются с Эльбрусом, с Эверестом? И какую характеристику чувства лирического героя дает такое сравнение? (*Эльбрус – самая высокая горная вершина в России, Эверест – в мире, но образ родных гор лирическому герою дороже всего, ведь с их образом связано много лично пережитых событий и переживаний; родимые места проверяют на прочность, а Эльбрус и Эверест приветливы и ласковы*)

– Восхождение на горную вершину – один из наиболее частотных сюжетов в текстах Константина Скворцова, посвященных родному краю; это путь духовного восхождения к самому себе, к Богу, преодоление, прозрение, открытие в себе неба. Часто путь к горной вершине со всей его тяжестью и туманом, заслоняющим порой дорогу вперед, осмысливается как жизненный путь лирического героя.

В стихотворении «Иремель» сюжет восхождения на горную вершину сопряжен с мыслью об общности человеческих судеб, которая проявляется в тексте в фигурах обращения и императивных глагольных формах. Лирический герой вступает в диалог с читателем, вовлекая его в мифологические странствия по Уралу и созерцание его одухотворенной красоты.

Группа 3

Во тьме ночной горел огонь.

Взлетали искры – только тронь...

Благословляя мир окрест,

Нам Млечный Путь сиял, как крест.

К туманной утренней реке

Бежали мы – рука в руке.

Ольха в заре. Трава в росе.

Как нам завидовали все!..

О, юность, юность – время грёз!

Но день настал, не стало звёзд.

И мир померк средь бела дня

И для тебя, и для меня.

К вечерней призрачной реке

Иду один я налегке

В мои заветные места...

Но кто это глядит с креста? [14]

Задание:

1) проанализируйте символическое значение образа реки в этом стихотворении. Как соотносятся «туманная утренняя река» и «вечерняя призрачная река»? (*эти образы символизируют определенные этапы*

человеческой жизни: юность и старость. Примечательно, что в юности лирический герой идет вперед рядом с кем-то рука об руку, а в зрелости он уже один)

2) обратите внимание на образ креста в тексте: в каких частях стихотворения он появляется, и каково его значение? (*крест – символ веры, истины. В начале стихотворения крест освещает путь тому, чья жизнь только началась, а финале встречает путника, завершающего свое странствие по течению жизни. Т.е. круг жизни так или иначе замыкается на религиозном символе)*

3) проанализируйте мотив света-тьмы в стихотворении. (*все начинается с всполоха огня, затем он разгорается, потом меркнет и, наконец, затухает. Параллель с образом человеческой жизни очевидна. Можно сказать, что стихотворение – авторская модель мироздания)*

– Метафорой жизненного пути человека у Константина Скворцова становятся уральские реки, образ которых – древнейший символ. Река – течение времени в неизменном направлении. Этот мифологичный многозначный образ встречается во многих стихотворениях поэта.

4. Выразительное чтение стихов учащимися и коллективное обсуждение вопросов к текстам

5. Рефлексия

– Завершить наше сегодняшнее занятие я предлагаю с помощью интересной формы. Вы все, наверняка, знаете, что такое шрифтовой портрет или картина (продемонстрировать учащимся примеры – рисунки 7 и 8).

Рисунок 9 – Раздаточный материал для проведения рефлексии